

Дмитрий Попов

Кольцевая дорога

Дмитрий Попов

Кольцевая дорога

«Издательские решения»

Попов Д. В.

Кольцевая дорога / Д. В. Попов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960309-8

Молодой небоходец по непонятной причине лишился своего редкого дара. По несправедливому обвинению судья изгоняет Эйгора из родного города. Юноша должен найти Кольцевую дорогу. Только попав в ее странный поезд, Эйгор может узнать, как ему вернуть свой дар небоходца. Но прежде он должен помочь девушке-воину вновь научиться держать в руках оружие и достать упавшее в пропасть волшебное перо... Юноша не знает о том, что обратного пути для него больше нет. Зато теперь у него есть Кольцевая дорога!

ISBN 978-5-44-960309-8

© Попов Д. В.

© Издательские решения

Содержание

1. Последний солнечный день	6
2. Самая суровая кара	12
3. Поезд на Кольцевой	18
4. Через реку, через лес	24
5. Бегом, верхом и на поезде	31
6. Куда двигаться дальше	37
7. Не так-то просто добраться до Сфинкса	43
8. Сфинкс	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Кольцевая дорога

Дмитрий Владиславович Попов

© Дмитрий Владиславович Попов, 2018

ISBN 978-5-4496-0309-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Последний солнечный день

Помню, хорошее выдалось утро. Ветер разогнал ночные облака, сентябрьское небо очистилось и походило на синюю чашу. Опрокинутую вверх дном глубокую синюю чашу. Такую синюю, какой в Эриаке ни у кого не было. Это я знал наверняка: я ведь вырос здесь. Еще мальчишкой облазал и сам город, и все близлежащие хутора. Половину его жителей знал поименно, другую половину помнил в лицо. Посуду делали горшечники, жившие на той стороне пруда. Чтобы все иметь под рукой, они селились поближе к воде и к своим залежам глины. Но сделать такую синюю чашу никто из них не мог. Горшечники изготавливали простую, крепкую и надежную посуду: стенки ее были с палец толщиной. Большой палец, если быть точным. Такая кружка в трактирной драке могла пробить сопернику голову, а сама при этом оставалась целой. Поэтому все хозяева городских трактиров предпочитали нашу же посуду: она была и крепче, и дешевле.

Другие изделия привозили купцы. Они были легкими, изящными, красивыми. И дорогими. Но богатые городские семейства могли их себе позволить. На то они и богатые. Я помнил, что ни у наших, ни у привозных чаш не встречалось такого глубокого синего цвета. Он бывает только у сентябрьского неба и еще у человеческих глаз. Этот цвет мне нравился. Может, поэтому я и заторопился из дому. Не стоило упускать такой замечательный денек. На верхнем поле дел еще оставалось невпроворот.

Если бы я в тот день остался дома, то ничего бы и не случилось. Правда, на нашем с матерью небольшом огороде все уже было убрано, высушено и сложено в закрома да в подвал. Но по хозяйству всегда можно было найти чем заняться. Мне ли этого было не знать! Стены дома, построенного еще моим прадедом, состарились, потемнели от времени и плохо держали тепло. Особенно та, что смотрела на север. Их нужно было приводить в порядок. Плита на кухне дымила. Требовала ремонта крыша. Сарай, где раньше обитала корова, казался еще крепким – но только казался. На птичнике с курами нужно было менять загородку. Забор с калиткой... ну, тот вроде пока стоял. Да и на огороде, если подумать, можно было бы дело найти. Но дома мне не сиделось, меня уже понесло на поле. Там, как мне казалось, дело было важней.

Со всеми ремонтными работами я тянул неспроста. Деньги у нас с матерью уже подходили к концу. Осенью с ними всегда было непросто, вот и приходилось в сентябре любоваться небом. А что еще было делать? В трактире не посидишь: без денег никто тебе пива не нальет, закуску из копченой рыбки не поставит. Разве что Дик Санья, владелец «Сахарной головы». Но тот тоже не за просто так расщедритсЯ: к матушке моей он неровно дышит. Кормит меня, а обхаживает-то ее. А ей, судя по всему, его ухаживания не нужны. Она отца не может забыть. Сколько уж лет прошло, как он умер, а все равно не может. Хотя мастер Дик к матушке подходит со всем уважением. То курочки жареной пришлет, то рыбки, то на ужин пригласит, говядиной отборной попотчует. Вино привозное, самое дорогое, на стол велит подать.

Сам он маленький, щедушный, на голове залысины. Однако же не ленится лично за плиту встать. Как наденет на голову свой белый поварской колпак, залысины свои им прикроет, в кухарский фартук облачится, пояском шелковым подпоясается, как пойдет на кухне руками махать, повара гонять да командовать – дым стоит коромыслом, а из трактирной трубы аж столбом валит. Каждый вечер полное заведение народу, и все лопают так, что за ушами трещит. Добавки просят, словно дома их не кормили. Будто с самого утра голодные ходят. Тут и видно становится, кто у нас в городе старшина гильдии поваров. Он самый, мастер Дик Санья.

Ну да ладно. Честно-то сказать, не большой любитель я в трактирах штаны просиживать. Некогда мне. Вот разве что зимой, когда все поля под снегом лежат, что верхние, что нижние. Тогда работы мало, можно и в «Сахарную голову» заглянуть. Пиво мастер Дик доброе варит.

Самое лучшее в Эриаке. А летом мне не до пива, успевай только поворачиваться: сверху вниз да снизу вверх бегай. Инструмент на поле не оставишь, а нужно то лопату, то каелку, то грабельки. А то и руками приходится земельку перетирать, в рядочки укладывать. А как иначе? Зато осенью урожай соберешь, сдашь господину казначею под счет. Он доволен, улыбается, руку жмет, премию выписывает. Налоги городские, правда, сразу все посчитает: и десятину, и за дом, и за землю. Вычтет из заработанного, разумеется. И все равно домой идешь с полным кошельком, радуешься. Вот тогда можно и ремонтом заняться, и делами по хозяйству. А если год урожайный выдастся, то и матушке можно обнову справить, шубку зимнюю пошить или сапожки новые. Да и самому из одежды чего прикупить: куртка вон совсем поизносилась, как ее не штопай. Только на поле теперь работать и годна.

Так вот, увидел я, значит, как солнышко в окна лучами бьет, и заторопился. Побросал наскоро в рот чего там на завтрак матушкой было приготовлено, сунул в карман куртки сверток с обедом. Схватил лопату, ту, что полегче, для верхнего поля. Махнул рукой на прощанье матушке: мол, вечером буду. И побежал.

Ну, то есть бегать-то по городу не принято: по улицам нужно ходить размеренно да чинно. Потому как здесь приличные люди живут, не абы кто. Но шел я быстро. Спустился по Тополиной улице к пруду. А на плотине, на том самом месте, где водосток белым камнем выложен, столкнулся с Хромоножкой. На свою беду, как позже выяснилось. Лучше бы я дома остался. Занимался бы себе не спеша по хозяйству. А на верхнее поле мог и в другой день попасть: не урожай же я туда шел собирать. Так, грядки поправить да сокровища свои проведать. Беспокоился, конечно, о них, и было отчего: знатный урожай в тот год вырос на делянке на моей. Ни у кого такого во всем Эриаке больше не было. Эх, что уж теперь говорить!

Хромоножку на самом деле звали Лайзой Вистень. Красивое имя, и сама девица была хороша. Черные кудрявые волосы, нежная белая кожа. Румянец на щечках. Большие сиреневые глаза. Ни у кого больше таких глаз не встречал. Немудрено, что парни на Лайзу заглядывались. Я и сам бы, может, взглянул, да мне все недосуг было. Матушка намекала, конечно, насчет женитьбы: пора бы, мол, сынок, уже и подумать. Но сердце мое молчало: не встретил я пока свою суженую. Да и не о том теперь речь. Хромоножкой Лайзу прозвали за то, что она припадала при ходьбе на правую ногу. Сильно припадала. Так, что и ходила с трудом. От рождения у девицы такая беда была, хроменькой она уродилась. Работать, конечно, в полную силу Лайза не могла. Так, перебивалась пряденьем да шитьем. В Эриаке на этом не заработаешь, потому что многие женщины у нас прядут, многие шьют. Матушка моя вон тоже с ниткой и иглой хорошо управляться умеет.

Жила Хромоножка с матерью. И жили они небогато, конечно. Отец Хромоножки ловил рыбу, и однажды в ненастную ночь утонул. Матери Лайзы удалось выхлопотать в магистрате пенсию по потере кормильца. Не знаю уж, каким образом: у моей матушки это не получилось. А ведь и я рос без отца, а она без кормильца. Ну да ладно, я не в обиде. Сам теперь могу прокормить и себя, и матушку. Хотя, признаюсь, случались и у нас трудные времена, когда приходилось черствый хлеб простой водой запивать.

Так вот жили они на эту самую пенсию. Перебивались, разумеется, все больше кашами да овощами. Мясо ели лишь на праздник, пиво водой разбавляли. Хлеба и то не досыта имели, чего там говорить. Пенсия-то маленькая. А как Хромоножка достигла совершеннолетия, ее платить и вовсе перестали. По закону не положено, мол. Зарабатывайте сами. В магистрате народ ушлый, каждую медную монетку считают. Потому и не бедствуют, должно быть. Хорошо живут: вон какие хоромы для отправления дел господам советникам отгрохали! Лучшее здание в Эриаке. Хотя и не такое большое, как некоторые богатые особняки.

Ну, мать у Лайзы к тому времени работать совсем отвыкла, а сама Хромоножка не могла. Мать давай девицу замуж гнать, да кто же ее такую возьмет? Хоть и была Лайза красавицей, да хромота ее оказалась неизлечимой. И приданого за девушкой никто не даст, разумеется. Хоть

парни на нее и поглядывали, да родители у них не дураки были: кому такая невестка нужна, хромая и без приданого?

Вот мать и начала девушку поколачивать с горя. Бьет, да еще каждым съеденным куском попрекает. Поэтому не удивился я, когда увидел, что Хромоножка плачет. Встретились мы над самым водостокom, и мне бы мимо пройти, да не смог. Пожалел девицу. Лопату с плеча снял, в землю упер.

– Не плачь, Хромоножка! – утешаю ее. – Потерпи немного: мука перемелется, зерно будет.

– Не могу так больше! – заявляет мне Лайза. – Лучше бы мне и не родиться вовсе, чем такой подбитой уткой жить! Родная мать поедом ест, со свету сживает. Вон какой синяк набила, а за что? За то, что калека и никому не нужна?

Слезы у девицы из глаз ручьем бегут. Бросается она мне на шею и начинает их о мою куртку вытирать. И чувствую я, что ногами слабею. Молодой здоровый парень, силушкой вроде бы не обижен, а понимаю – сейчас упаду. Оперся на лопату свою, Лайзу покрепче к себе прижал, по черным кудрям рукою глажу, успокаиваю, значит. Она ревет в полный голос. Что за напасть такая со мной приключилась? – думаю я. Никогда такого не было. Потом начинает до меня доходить: это все девичьи слезы виноваты! Не пойму, каким образом, но просочились они через плотную курточную ткань. Проникли сквозь рубашку. Пронзили кожу и ударили мне в самое сердце. А сердце, оно ведь не казенное, оно свое. И слабое к тому же, как выясняется. От слез девичьих сердце шалить начинает. С ритма сбивается и ухает как барабан. От того, должно быть, и ноги слабеют. Я ведь с девицами дела не имел, откуда мне было знать, что они так на меня действуют?

Жалко мне стало Хромоножку. Моченьки нет как жалко. А придумать ничего не могу. Голова пустая, словно прохудившийся бочонок. И слов, чтоб девицу утешить, подобрать не могу: разбежались все слова от меня, попрятались куда-то. Стою пень пнем, по волосам ее глажу. Сам вот-вот разревусь.

Хромоножка пригелась у меня на груди, голосить перестала. Стоит, носом тихонько шмыгает. Потом голову подняла, сиреневыми своими глазищами захлопала и предлагает:

– Я ведь тебе нравлюсь? Тогда возьми меня замуж! Не пожалеешь – я для вас с госпожой Еленой все буду делать. Вот увидишь: трудиться стану, не покладая рук!

Госпожа Елена – это матушку мою так зовут.

– Не могу, Хромоножка! – отвечаю я ей.

– А не можешь замуж взять, тогда добудь для меня Облачную Жемчужину! – просит Лайза. – Я ее съем и исцелюсь от своей хромоты. Ты ведь небоходец, ты это можешь!

– А ты знаешь, сколько такая Жемчужина стоит? – спрашиваю я.

– Когда поправлюсь, меня всякий на службу возьмет! – заявляет она. – Тогда я все тебе смогу вернуть, до последней медной монетки!

Все-таки наивная она, Хромоножка. Ничего не понимает. Жемчужины эти так дороги, что ей за всю ее жизнь столько не заработать, как ты ни крутись. И еще того девица не знает, что все добытые небесные плоды магистрат продает в другие города. Таков договор у Эриака с Империей. Потому и не трогают наш маленький городишко, и границы наши спокойны. А покупают Облачные Жемчужины богатые люди. Очень богатые, бедным здесь делать нечего. Причем богачи даже в очереди, случается, стоят: каждая Жемчужина заранее выкупается и записывается за клиентом. Чудесная это вещь – ведь она способна исцелить любую болезнь. За такую никаких денег не жалко. А мы их лишь выращиваем и сдаем под счет господину городскому казначею. Ни разу я не слышал о том, чтобы Облачная Жемчужина досталась небоходцу. Не было такого на моей памяти. А за кражу Жемчужины полагается изгнание из города, самая серьезная в Эриаке кара. Как Хромоножке было это все объяснить? Пока я раздумываю,

вал, нас с ней уже и заметили. И немудрено, ведь стояли мы над водостоком плотины, на виду у всего Эриака. Да еще и в обнимку стояли. Ничего глупее придумать было нельзя.

– Эйгор, да ты в своем ли уме? – услышал я позади взволнованный голос Деррика.

Был бы в своем, не стал бы обниматься с девицей прямо на городской плотине, подумал я. Да и совсем бы не стал: зачем мне это? Мало у меня своих забот, что ли? Вот что слезы девичьи делают: совсем ума лишают. Отскочили мы с Хромоножкой друг от друга, словно кипятком ошпаренные. Стоим, на пару свекольным отваром наливаемся. Да поздно уже: кому надо, все все разглядели, заметили и на ус намотали. Пойдут теперь по городу сплетни гулять, одна другой краше.

– Ты что, жениться на Хромоножке собираешься? – спрашивает меня Деррик.

– Нет! – говорю я ему.

– А зачем тогда обнимал девицу?

– Утешал я ее! – отвечаю.

– На виду всего Эриака? – хмыкает Деррик. – Не рассказывай мне сказок, Эйгор!

Деррик был моим другом. Самым лучшим, потому что единственным. Других у меня не было. Род наш богатым никто не назвал бы. Да и остались от него только матушка да я – вот и все Услеты. Родня наша давно поумирала вся, некому было помочь. Поэтому и образования я никакого не получил: школ в Эриаке не было, а куда-то ехать учиться... Деньги нужны, и немалые. Где их взять? А вот Деррик учился: Расвичи все ученые. И богатые к тому же. Заседают в магистрате. Говорят гладко. Деррик вон может целый день соловьем заливаться. Я же все больше молчу: мне так проще. Работа, она молчаливых любит. Так матушка говорит. А я бы еще добавил: и бедных. Поэтому я молчу и работаю. Работаю и молчу. Деррик вон пускай разговаривает. За нас обоих. А я ему поддакиваю и работаю. Тоже за двоих, выходит.

Почему он со мной подружился? Потому что я, как и он, небоходец. Могу мерить шагами высоту, как у нас принято говорить. Могу работать на своей небесной делянке и выращивать Облачные Жемчужины. Такой у меня талант: к чему руки на поле ни приложу, все вырастает. словно само по себе. Хотя, конечно, попотеть приходится, и немало. За этот талант меня и ценят: и господин казначей, и Расвичи. Тем более что делянка моя на самом деле им принадлежит. И Деррик меня ценит. Наверное. Иначе зачем стал бы он по трактирам меня за собой таскать да пивом угощать? Так-то подумать: кто я и кто он? Зачем ему это надо? Не знаю. Обычно бедный богатому не ровня. Не товарищ, значит. Но, видать, и по другому бывает. Тем более что нас, небоходцев, в Эриаке всего два десятка набирается. Едва-едва хватает на то, чтобы небесные делянки травой не зарастали. Ну и помогаю я Деррику на его поле, разумеется. Как без этого? Он свои грядки норовит запустить, а мне их жаль. Так вот и дружим.

Объяснил я Деррику, как так у нас с Хромоножкой неловко получилось. У него лицо поскучнело, глазки забегали. Вижу, не поверил он мне. Что поделаешь: Деррик всегда до сплетен охоч был, такая уж у него порода. Расвич и есть. Они все такие. Мне даже кажется, что господ советников в магистрат выбирают из тех, кто умеет рассказывать сплетни. А еще лучше самим сочинять. Иначе, должно быть, скучно им было бы столько времени сидеть на своих заседаниях. А тут раз, и новая сплетня готова. Горяченькая, с пылу с жару. Вот уже и развлечение.

Однако от меня Деррик все же отстал. Теперь он к Хромоножке привязался: давай выпрашивать, что да как. Она снова разрыдалась – девица, что с нее взять, да еще и на выданье. Ладно, пусть сами разбираются. Подхватил я лопату свою, на землю упавшую, положил на плечо и потопал себе дальше. Пересек гончарный квартал и поднялся на вершину Столовой горы. Она была ровной, словно тот самый предмет мебели. Даже деревья здесь не росли, только зеленый мох покрывал скалы. Отличное место для того, чтобы, не привлекая лишнего внимания, подняться на свою делянку. Небоходцы часто этой вершиной пользовались.

Вот и я так сделал. Шагнул себе прямо с обрыва, встал на воздух, проверяя, как держат ноги. Оказалось, ничего: слабость от девичьих слез уже прошла. Вздохнул я поглубже, набрал полную грудь свежего осеннего ветра и потопал наверх. Шагалось хорошо, бодро так. А что? День выдался ясным, солнечным, ветер был слабым, легкие облачка крутились на севере и вроде не затевали ничего дурного. Солнце не припекало. Дождь идти не собирался. Замечательный денек для работы на верхнем поле, это я уже объяснял.

Добравшись до своей делянки, первым делом я, конечно, проверил Облачные Жемчужины. Целехоньки оказались мои красавицы. Лежали, как им и положено, на прозрачно-синей грядке, впитывали последнее солнечное тепло. Целых три штуки. Три серых, словно прячущихся внутри облака, Жемчужины. Три целительных небесных плода. Скоро, скоро придет пора собирать вас, чтобы спрятать в глубокие казначейские кладовые. А пока дозревайте, впитывайте в себя солнечный свет днем и лунный ночью. Дышите облаками и ветром, пейте звездное сияние. Наслаждайтесь покоем небесной синевы.

Да, удачный выдался год, ничего не скажешь! Богатый урожай нынче вызревал на моей делянке. Три Облачных Жемчужины на одном поле! Старые опытные небоходцы хорошо если один раз в десять лет снимали такой урожай. Матушка рассказывала, мой отец тоже умел этого добиться. Легкая у него была рука, любил он свою делянку. От него мне способности и передались. Никто не ждал от молодого сопляка такого урожая. Не то, чтобы я сильно гордился, ни к чему это. Однако приятно было сознавать, что не зря старался. Денно и ночью, в жару и непогоду удобрял синие грядки собственным потом. Не досыпал, не доедал, трясся над слабенькими ростками, укрывал их от ветра, прятал от дождя. Однако если припомнить как следует, то ведь и на Дерриковом поле я так же пахал. Ничуть не меньше, чем на своем. Не умею я по-другому работать, не приучен. Отец мой вон тоже изо всей силы впахивал наверху, пока не надорвался. И мне, видать, такая же судьба выпадет. Ну да я и спорить с этим не стану, если каждый год по три Облачных Жемчужины с поля снимать буду.

И дело тут не в деньгах. Вот, предположим, с этого урожая я богаче стану. Сломаю свой старый дом и новый себе построю, от таких-то щедрот. Поношенную свою куртку поменяю на новую и теплый зимний плащ на толстой подкладке заведу. Женюсь даже, как матушка хочет. И что, от этого всего изобилия я намного счастливее стану? Это вряд ли. А вот от того, что три таких красавицы на моей грядке выросли, моими собственным потом да водою дождевою политы, да солнечным светом напитаны, это да. От этого сердце мое поет. Тут моя сила и мое умение. Тут мое счастье сокрыто, на этих вот грядках.

Полюбовался я на Жемчужины и за лопату взялся. Нечего зря время терять, надо поле к весне готовить. Провозился до самого обеда, дальнюю грядку перекопал. Спустился вниз, на Столовую гору. Присел на мягкий мох, достал матушкин сверток, флягу с водой. Столовая гора еще и потому так называется, что на ней небоходцы обедать любят. Попил, поел, на других посмотрел, как они трудятся на своих небесных делянках. Вон старый Картуш виден, держится за свою больную спину. Вон Клейс носом в грядку уткнулся. Его делянка, кстати, не Расвичам принадлежит, как моя или дядюшки Картуша. Владеют ею Борны, еще один богатый род. Соперники Расвичей, как говорят. Земли к востоку от города делят, никак поделить не могут. Однако в магистрате вместе сидят.

Ладно, хоть на небе делить нечего. Наоборот, некоторые делянки заброшены, дикой травой поросли. Слишком мало нас осталось, небоходцев. Не в силах мы все когда-то поднятые небесные поля обработать. И с каждым поколением все меньше нас становится. Почему так? Не знаю. Иные стареют, как дядюшка Картуш или дядюшка Рейм. Иные, хоть и молоды, больше любят в трактирах сидеть, чем на своих делянках носом в землю упираться. Тот же Хорт, например. Или Вензель, среди городской молодежи самый первый заводила. Где какая обида или драка в трактире, или окна быют, или даже за ножи сгоряча возьмутся, чтоб первую кровь пустить, непременно он в самой гуще случается. Подзуживает спорщиков, смеется под-

ленько, пошучивает зло. А что ему? Папаша его, Вензель-старший, тоже ведь в магистрате сидит. И небесная делянка у них своя. Добрая, надо сказать, делянка, большая. Вот только с таким бедовым сынком хорошего урожая на ней не жди. Я поднес ладонь к глазам, всмотрелся из-под руки. Нет, сегодня и Вензель по своему полю ходит. Ноги длинные, сам высокий, на аиста похож. Появилась у него одна завязь по весне, как я слышал. Единственная. Не знаю, стала ли она Жемчужиной.

А вон и Деррик бредет. Сегодня он не на своей делянке. Я и позабыл, что он сегодня дежурный наблюдатель, страж закона. Присматривает сверху за Эриаком и окрестными землями. Чтобы пожара не случилось: ни в самом городе, ни на хуторах. Чтобы жители не безобразничали, чужого не брали, не дрались. Это у нас нечасто, но случается. Так-то народ в городе не злой. Но бывает, что перепьются. Или соседу за обиду какую захотят насолить. Вот наблюдатель и бдит. Городскую стражу зовет, если понадобится. А у тех разговор короткий: могут и по шее наkostenять, а драчунов так и вовсе разнимают, нещадно колотя дубинками, чтоб впредь неповадно было. Так что стражу бояться и с ней стараются не связываться. Ну и к небоходцам относятся с почтением. Как-никак и мы за порядком приглядываем. За полями наблюдатель, кстати, тоже обязан смотреть. Моя очередь дежурить наступит через два дня. Тогда и я от рассвета и до заката буду по небу бродить. Даже трапезничать придется прямо на воздухе. Как Деррику сегодня. Так у нас заведено.

Пообедав, я решил спуститься в город. Забежал домой, поменял лопату на грабли. Матушку у себя не застал: должно быть, по делам отлучилась, она у меня хозяйственная. Вот бы мне и жену такую найти. Хромоножка, может, была бы и ничего, так-то девица она работающая. Но уж больно дорого просит: целую Облачную Жемчужину ей подавай. Такая цена разве что городским богатеям будет под силу. Куда уж нам, Услетам, у которых из мужчин только я один остался, последний в своем роду. И потом, хоть и милая девица Лайза Вистень, умница и красавица, да сердцу, как говорится, не прикажешь. Не по сердцу мне она.

Вернулся я на свое поле и до самого заката добросовестно дальнюю грядку граблями просеивал, а кое-где и руками кусочки неба перетирал. Закончил, когда уже стемнело. Жемчужины проверять не стал: не видно уже было ничего. Потому и проглядел я свою беду. Спустился вниз, а на Столовой горе меня уже ждали стражники. Взяли под белые ручки и в тюрьму повели. Деррик с ними был, но он лишь руками развел: мол, что я могу поделать, приказ магистрата. Хотя как я позднее узнал, это он, как дежурный наблюдатель, обнаружил пропажу. А пропала одна из Облачных Жемчужин. С моей делянки.

2. Самая суровая кара

Городок у нас мирный, разбойников в нем не водится. С законом люди живут в ладу. Могут, конечно, поругаться с соседом, подраться сгоряча или окна ему побить по пьяному делу. Это бывает. А еще, случается, молодежь городская загуляет, станет посуду трактирную бить, мебель ломать. Тогда стража загулявших окоротит и приберет, но с разбором: тех, которые победнее, в тюрьму на денек-другой упрячет, чтоб горячие головы остудить, а тех, которые побогаче, родителям доставит – нате, мол, сами разбирайтесь со своими чадами. Потом городской судья господин Вилим дело разберет, пошлину свою судейскую возьмет, штраф выпишет. Ну и убытки трактиру заставит возместить, разумеется. В таких случаях хозяева не стеснялись, писали в убытки все, что было и чего не было. Поэтому гулять выходило дорого и накладно. Богатому семейству за сыночка заплатить недолго, деньги у них есть. А вот бедному никак. Отрабатывать убытки да назначенную пошлину судейскую приходилось порой и год, и два. А куда денешься? Сам виноват. Еще и по этой самой причине старался я подальше от трактиров держаться. Хотя если честно признаваться, то всякое бывало. Коли попала вожжа под хвост и пиво в глотку, то остановиться тяжело. По себе знаю. Ну да не о том речь.

До сих пор, по счастью, в тюрьме бывать мне не приходилось. Говорили мне, что спится в ней тяжело, беспокойно. Ну, это тем, должно быть, кого совесть мучает. И к тому же я целый день на поле провозился, устал как собака. А в тюрьме, оказывается, и тюфяк соломенный есть, и подушка. Даже одеяло, хоть и плохонькое, имеется. Донес я голову до подушки и сразу уснул. Не помешало даже то обстоятельство, что без ужина остался. То ли забыли охранники впопыхах, то ли сэкономить решили. Ну да я не в обиде. Обошелся и так. Только и успел, что о матушке подумать: как она там? Сильно ли беспокоится обо мне? И уснул.

Глаза открываю, а уже утро. Небо все тучами затянуто. Дождь на улице идет, нудный такой, осенний. Я спросонья даже подумал, что вот хорошо это я успел вчера погоду захватить, в поле потрудиться. Потом глаза протер, огляделся кругом, вспомнил где нахожусь и приуныл. Принесли завтрак: хлеб да пиво. Сильно разбавленное, вода водой. И хлеб зачерствел уже, почти сухарь. Но я проголодался, все до крошки съел.

Сижу, смотрю, как дождь сквозь решетку по стеклам лупит. Непогода разгулялась вовсю, и судя по всему, надолго. Осень. Промозгло стало в тюрьме, сыро. Я в своей старой куртке продрог. Встал, походил по полу, согрелся. Мог бы и по стенам пройти, и по потолку, да что-то не хотелось.

Принесли обед: гороховую похлебку и хлеб. Хлеб на этот раз был получше, не такой черствый. Дождь все лил и лил, и я чего-то приуныл. Дело-то мое все никак не разрешится.

Наконец пришли за мной. Господин Утрир, судейский чиновник, стражник, я его знаю, Герхардом звать, и кузнец. Крепкий парень из заречного хутора, имени его я не помню. Кузнец надел мне на пояс цепь с замком. Другой конец цепи он замкнул на поясе Герхарда. В ответ на мой удивленный взгляд стражник пояснил:

– Ты же небоходец, парень! Так что сам понимаешь – без этого никак.

Ну да, понимаю. Однако расстроился я. Вижу, что дело серьезное: в преступники меня записали. Хоть и не виновен я, не выпустят теперь без суда. Хоть бы, думаю, поскорее разобрались. Ну да судя по всему, тянуть не станут.

И верно: господин Утрир сделал знак, и Герхард вывел меня из камеры. Поднялись мы наверх, в его кабинет. Господин Утрир давай меня расспрашивать: где я вчера был, что делал, и кто может это все подтвердить. Еще про Хромоножку спросил, не собираюсь ли я на ней жениться. Удивился я этому вопросу. Сговорились они с Дерриком, что ли? Зачем мне на Лайзе жениться?

– Нет, – отвечаю, – не собираюсь.

Он молча посмотрел на меня, записал мой ответ и протянул мне бумагу:

– Читать умеешь? Ознакомься и распишись.

Потом забрал ее и ушел, а мы с Герхардом остались вдвоем.

– Глупец ты, парень! – говорит мне стражник. – Если бы ты собирался на девице жениться, господин судья мог бы тебя пожалеть. За твой талант по выращиванию Облачных Жемчужин, столь нужный городу. А лет через десять, глядишь, и рассчитался бы ты с казной за пропавший небесный плод и жил бы дальше припеваючи. Так что не горячись, парень, и не вздумай, в случае чего, отказываться. Иначе дело может обернуться для тебя плохо. Гляди, наплачешься потом!

Я промолчал в ответ, но, кажется, начал догадываться, к чему все идет. Нет, думаю, не дождетесь вы такого от меня. Господин Утрир отсутствовал долго, но наконец вернулся, и меня повели к судье.

Судья господин Висим уже сидел за своей высокой конторкой. Он был облачен в темный служебный сюртук, на голову надел черную шляпу, и оттого походил на ворона. Худого и длинного ворона с черными усталыми глазами.

– Ты обвиняешься в краже Облачной Жемчужины, Услет! – заявил он мне. – Не хочешь ли в этом признаться?

– Я ее не брал, Ваше Судейство! – отвечаю я.

– Жаль! – говорит он. – Это позволило бы выиграть время. И возможно, смягчило бы твой приговор. Не передумаешь?

– Нет.

– Тогда приступим к процедуре опроса свидетелей.

И господин Висим начал вызывать их по одному. Сначала он пригласил Хромоножку. Когда она вошла, я просто обомлел. От недавней хромоты не осталось и следа: девица словно протанцевала по комнате и остановилась напротив судейского места. Какие там слезы, Лайза готова была прыгать от радости. Ну еще бы, подумал я, любой на ее месте быстро бы утешился, если бы с ним случилось такое чудо.

– Когда ты обнаружила Облачную Жемчужину? – спросил ее судья.

– Вечером, господин Висим.

– Где ты ее нашла?

– Она лежала на окне в моей комнате.

– Окно было открыто?

– Да, господин судья.

– Куда оно выходит?

– На зады нашего с матерью домика. Оно смотрит прямо на малинник.

– А скажи-ка мне, Лайза: можно ли к твоему окну подобраться так, чтобы было незаметно с улицы?

– Да, господин судья! – подтвердила девица.

– А кто, по-твоему, мог положить Жемчужину на окно?

– Не знаю, господин судья.

– Ты говорила господину Утриру, что попросила стоящего здесь юношу принести тебе Облачную Жемчужину. Так ли это?

Хромоножка смутилась.

– Я была очень расстроена, господин судья. Я поссорилась с матерью, заплакала и...

– Но ты просила господина Услета об этом?

– Ну... да, господин судья.

– Что он тебе ответил?

– Ну... он ничего не успел мне сказать. Тут появился господин Расвич, и... Эйгор ушел.

– А что ты сделала с Жемчужиной?

– Я ее тут же съела, господин судья.

– И сразу перестала хромать?

– Да.

– Ну разумеется! – проворчал господин Висим. – Кто бы сомневался. Если понадобится, Лайза, я вызову тебя снова.

Девушка, будто стрекоза, легко выпорхнула из комнаты.

– Теперь ты, Эйгор Услет! – обратился ко мне судья. – Вчера на городской плотине ты обнимал Лайзу Вистень. Зачем?

– Она плакала, Ваше Судейство. Я всего лишь пытался ее утешить.

– В каких отношениях вы с ней состоите?

Я почему-то покраснел. А после пожал плечами.

– Иногда я им помогаю... Ну, продуктами там, или по хозяйству чего сделать, если нужно...

– Где ты был вчера после полудня?

– На своей делянке, Ваше Судейство.

– Дежурный наблюдатель утверждает, что ты отлучался с поля.

– Ну, я пообедал на Столовой горе. А потом спустился в город.

– Зачем?

– Мне нужны были грабли, Ваше Судейство.

– То есть ты заходил домой?

– Да.

– Кто может это подтвердить?

– Ну, матушку я дома не застал... Э-э, даже не знаю...

– То есть никто?

Ответить мне было нечего.

– Плохо это, Услет! – сказал судья раздраженно. – В это время с твоего поля пропала Облачная Жемчужина, а чуть позднее она оказалась у Лайзы Вистень, девушки, которая просила тебя принести ей небесный плод. И которую утром ты обнимал на глазах у всего города. Ты уверен, что ничего не хочешь мне сказать?

– Я не брал Облачной Жемчужины, Ваше Судейство! – упорствовал я.

– Но и алиби у тебя нет, Услет.

– Чего нет, Ваше Судейство? – не понял я.

– Это значит, что ни свидетели, ни известные суду обстоятельства не могут подтвердить твою невиновность.

– Поговорите с моей матушкой, Ваше Судейство! – попросил я. – Она скажет вам, что я всегда был честным человеком.

Господин Висим тяжело вздохнул.

– Я приглашу госпожу Услет. Позднее.

Я понял, что дело мое плохо.

– Как небоходец, могу я потребовать суда Дневной Звезды?

Судья поморщился в ответ.

– Разумеется, это твое право. Но подумай, стоит ли это делать?

– Стоит, Ваше Судейство!

Господин Визим пожал плечами.

– Господин Утрир, распорядитесь принести из хранилища Дневную Звезду.

Это была маленькая красная или оранжевая ягода. Иногда и желтая, если не созрела. Когда сладкая, а когда и кислая на вкус, если росла дичком. Вызревала она не на грядках, как Облачные Жемчужины, а в густых зарослях диких небесных трав. Дневные Звезды не исце-

ляли от недугов. Зато с их помощью небоходцы обретали свой дар. Семилетним мальчишкой я попробовал ее впервые. И после этого собственными ногами поднялся в небо.

Иногда случалось так, что дар у небоходца ослабевал. Почему? Как говаривал мой отец: Дневная Звезда и чистая совесть помогают нам держаться в небе. Так передала мне его слова матушка. И это была правда. Каждый небоходец ее нутром чувствовал. Потому что совесть переставала быть чистой, и дар слабел. Но с помощью Дневной Звезды можно было его укрепить. Если же груз на совести небоходца становился слишком тяжелым, то небесная ягода, наоборот, могла лишить его дара. Это и был суд Дневной Звезды. Последнее, так сказать, испытание его совести.

Господин Утрир вернулся быстро. Он вручил мне красную ягоду, взятую с небесных полей. Я ее съел. Странно: в этот раз Дневная Звезда оказалась не кислой и не сладкой, а горькой. Я поморщился, но все же проглотил ее. И вдруг почувствовал, что больше не могу подняться наверх. Не могу летать. Хотя этого быть не могло. Просто не могло: ведь я же не брал Облачной Жемчужины. И все-таки это случилось: я утратил свой дар.

Меня будто по голове палкой ударили. Я стоял оглушенный и тупо смотрел на господина Висима. Он меня о чем-то спросил, но я не расслышал. Будто сразу оглох и онемел. Когда это прошло, я признался, что больше не могу ходить по небу.

Судья меня еще о чем-то спрашивал. Может быть, даже много раз. Только все без толку. Я молчал. Самое главное я уже сказал, а все остальное было ни к чему. Пустые слова.

Но хотя я и заявил судье, что больше не могу ходить по небу, сам я в это еще не верил. Не мог поверить. Ведь не брал же я этой Жемчужины, и совесть моя была чиста! Снова и снова пробовал я мысленно шагнуть вверх. И тут же падал обратно. Десять раз пробовал и больше. Губу прокусил до крови, только без толку: воздух больше не держал меня. Небо закрыло для меня свои двери.

Я почувствовал, что устал. Если бы я мог, то опустился бы прямо на пол и сидел на нем. Может быть, даже и лег, только Герхард не позволил. Схватился за свой конец цепи и потянул вверх. Я вздохнул и остался стоять. Суд все-таки.

Судья Висим оказался неплохим человеком, он не стал затягивать дело. Быстро зачитал приговор: изгнание из Эриака, та самая кара. По закону, все верно. И отправил меня назад в тюрьму, чтобы я пришел в себя. Очухался, так сказать. С меня даже цепь сняли: зачем она теперь?

Эту ночь я уже не спал. Сидел на лавке и смотрел в темное окно, слушал, как дождь стучит по крыше. Он все шел: мелкий, почти неслышный. Долгий осенний дождь. Я думал. Но мысли мои ходили по кругу. Я не крал Жемчужины, и значит, был невиновен. Но суд Дневной Звезды лишил меня дара. Значит, я был виновен. Но в чем? Ведь Жемчужины я не крал. В чем же моя вина? Опять начинай все сначала.

Задремал я под самое утро. Показалось: только глаза закрыл, и уже принесли завтрак. Я его даже поел, хоть и без всякого желания. Потом пришел господин Висим.

– Я к тебе с неофициальным визитом, Услет! – сказал он мне.

– Это как? – вяло поинтересовался я.

– Это значит, что я пришел к тебе не как городской судья, а как частное лицо! – объяснил он, присаживаясь на лавку рядом со мной. – Мне нужно поговорить с тобой.

– О чем, господин Висим?

– О ком! – поправил он меня. – О тебе. По закону ты изгнан из города. Что ты думаешь делать дальше?

– Не знаю, – ответил я правду.

– Есть тебе куда идти?

– Нет.

– А родные в других городах есть?

– Я последний в своем роду, господин Висим.

Мы помолчали. Дождь стучал в окно.

– Ты вроде бы неглупый молодой парень, Услет! – сказал судья. – Скажи мне, чего ты хочешь?

– Вернуть свой дар небоходца! – ответил я не раздумывая.

Так оно и было.

– Хорошо! – кивнул головой судья. – Думаю, тут я смогу тебе помочь.

Я изумленно взглянул на него. Он может вернуть мне мой дар небоходца?

– Я могу указать тебе путь! – объяснил господин Висим. – Пойдешь?

– Конечно! А куда нужно идти?

– Ты слышал про Кольцевую Дорогу, Услет? – спросил меня судья.

– Матушка рассказывала мне про нее в детстве. Я думал, что это сказка.

– Я тоже так считал! – сказал мне судья. – Пока не встретил старика Вауса. Ты помнишь его, Услет?

– Он умер в прошлом году, весной.

– Да. Хороший был охотник. Так вот, однажды, будучи еще молодым, Ваус отправился на север. Он шел три дня и добрался почти до предгорий. Уже на закате Ваус увидел реку. Большую и полноводную реку, через которую был перекинут мост. Мост был каменный, с тремя мощными опорами, которые легко выдержали бы напор воды даже в самый сильный весенний паводок. Ваус поднялся на мост и увидел рельсы. Рельсовую колею, если ты понимаешь, о чем я говорю. Ваусу стало интересно. Охотник решил, что утром осмотрит все как следует, а пока развел костер у самого схода с моста. Солнце село, и он начал готовить себе ужин. Вдруг Ваус заметил движущиеся огни на той стороне реки. Потом послышался гудок паровоза. А потом охотник увидел, как поезд прокатился через мост и остановился прямо у разведенного им костра. Паровоз стравил пар, а в вагоне открылись двери.

– И он вошел в них? – спросил я, невольно заинтересовавшись этой историей.

– Сердце охотника дрогнуло, – ответил судья. – Ведь его ждала жена, а недавно у них родился первый ребенок. Поэтому Ваус побоялся войти в двери, и поезд ушел без него.

– Жаль старика! – сказал я. – Ну то есть тогда он был молодым, конечно.

Господин Висим поднялся с лавки и прошелся по тюремной комнате. Я услышал, что дождь перестал стучать в окно. Стало тихо.

– А уж как он сам жалел! – сказал мне судья. – Так жалел, что рассказывал мне об этом со слезами на глазах. К тому времени Ваус состарился, имел четверых детей и был уважаемым членом городского общества. Но упущенная возможность не давала ему покоя до самой смерти. Ведь он набрел на Кольцевую Дорогу и едва не сел в ее чудесный поезд! Хотя есть в этом и нечто хорошее.

– Что же? – удивился я.

– Не догадываешься, Услет? Ваус не уехал, а вернулся в Эриак. Поэтому я и смог рассказать тебе эту историю.

Господин Висим остановился и посмотрел мне в глаза. Мне показалось, что-то промелькнуло в его взгляде: жалость, наверное. Я поднялся и встал с лавки.

– Закон строг, Услет, но он же бывает и милосерден! – произнес судья на прощание. – Подумай об этом. Сейчас сюда придет твоя мать и принесет твои вещи.

И он вышел. Щелкнул засов на двери.

Станный у нас судья, подумал я. Похожий на черного ворона в своей черной одежде. Однако же нашел время и рассказал мне эту историю. Хотя и не обязан был этого делать.

И правда, скоро пришла матушка. Я обнял ее. Она оказалась молодцом и не заплакала. Крепкая она у меня. Я и сам удержал непрошенные слезы, вдруг набежавшие на глаза. Мужчины

ведь не плачут, правда? Матушка принесла мне дорожную сумку. В сумке лежали припасы на несколько дней, а еще запасная одежда, мой старый плащ, фляжка с водой и огниво.

– После сбора урожая казначей должен выдать тебе мое жалованье! – сказал я матушке. – Ну, хотя бы его часть. Так что деньги на первое время у тебя будут. А потом продай дом и купи другой, поменьше. На восточной окраине Эриака как раз продается один такой.

– Не беспокойся за меня, сынок! – ответила она. – Мастер Санья предложил мне работу. Ты ведь знаешь, я отлично готовлю. Никто в Эриаке не может испечь таких вкусных пирогов с вареньем. Так он мне сказал.

– Он неровно дышит к тебе! – предупредил я ее.

– Там будет видно! – махнула матушка рукой. – Ступай в Гарвич или, может быть, в Хартвил. Устроишься где-нибудь на тамошней ферме: крестьянская работа тебе всегда хорошо давалась. А повезет, потом переберешься в город. Вдруг в лавке или трактире появится место: тебя могут взять, ты ведь умеешь читать и писать. И считать к тому же. Не зря я старалась обучить тебя всему, что знала сама.

– Я пойду на север! – признался я.

– Зачем? – ахнула матушка. – Там ведь никто не живет!

– Попробую отыскать Кольцевую Дорогу – судья Висим рассказал мне о ней.

– Уж лучше бы он молчал! – матушка даже топнула ногой с досады.

– Я должен вернуть свой дар небоходца! – упрямо сказал я.

Она поцеловала меня на прощание и попросила:

– Когда сможешь, сынок, то дай о себе знать!

Я перекинул через плечо походную сумку и следом за Герхардом вышел на улицу. Я не оглядывался и твердил себе, что мужчина не должен плакать. Даже если он всего лишь юноша. Даже если он уходит надолго, может быть, навсегда.

На улице было сыро. Дежурный небоходец опустил на дорогу и зашагал рядом с нами. Сегодня это был Клейс.

– Мне жаль, что так печально все вышло! – хлопнул он меня по плечу. – Правда жаль, Эйгор!

Неясная тень промелькнула в высоте. Я поднял голову и заметил Деррика. Издалека он провожал меня. Но так и не спустился. Не пожал руки и ни слова мне не сказал. Странно, подумал я. Потом махнул рукой: у богатых свои причуды.

На перекрестке Герхард остановился.

– Ты уже решил, в какую сторону пойдешь, парень?

– На север! – сказал я.

– И чего ты забыл в этой глухомани?

Я молчал.

– Намекал же я тебе, дураку: признай вину! – сказал Герхард, качая своей головой. – Признай, даже если ты не виновен. Судья у нас добрый: ты остался бы в Эриаке. Мать твоя была бы радешенька. А деньги в казну ты со временем вернул бы. Отработал: я уверен, что тебе как небоходцу сделали бы поблажку.

– Я больше не небоходец, Герхард! – ответил я угрюмо. – И я должен вернуть свой дар.

До самой границы городских владений мы больше не сказали друг другу ни слова. На границе Клейс пожал мне руку.

– Удачи тебе, Эйгор! – сказал он и ушел вверх.

Герхард молча махнул рукой на прощание и, ссутулившись, побрел обратно в город. Одинокая северная дорога лежала передо мной.

3. Поезд на Кольцевой

На второй день пути пошел дождь. Моросящий и нудный. Тучи висели так низко, что брюхом задевали верхушки деревьев. Серая пелена окутала лес. Дорога скоро стала тропой. Тропа постепенно размокла, и идти по ней стало трудно. Ноги скользили и разъезжались. За шиворот с веток текла вода. Промокшая рубашка плохо грела. Но пока я шагал, это все можно было перетерпеть. Поэтому шел я без остановок: делал привал, только чтобы пообедать.

А еще постоянная ходьба и дождь отвлекали меня от грустных мыслей. От тоски по дому и от ненужных воспоминаний. Я пробирался по лесу от рассвета и до заката. Потом с помощью огня разжигал костер и готовил горячую похлебку. Ужинал и тут же засыпал. К вечеру я был слишком измучен, чтобы думать о чем-то кроме еды и сна. Поэтому и спал без всяких сновидений, просто проваливался в темноту. А утром открывал глаза и начинал все сначала.

На третий день дождь перестал. Серая пелена над моей головой слегка посветлела. Зато тропка совсем затерялась в лесу. Поэтому я шел наугад, хотя очень надеялся, что иду на север. Мне повезло: к вечеру я добрался до реки. Той самой, широкой и полноводной, о которой говорил судья. Теперь осталось отыскать мост.

Я вышел к нему на закате. В мощные каменные опоры моста билась вода. Рельсы наверху тихонько гудели. Собрав остаток сил, я бросился разводять костер. Солнце село, но я успел управиться до темноты. И потом сидя дремал у огня. Есть мне не хотелось – я слишком устал.

Тучи расползлись в стороны, и на небе высыпали звезды. Потом звезды вспыхнули на той стороне реки. Их была целая цепочка, и она двигалась в сторону моста. Я протер слипающиеся глаза, но нет, они не подводили меня: звезды действительно двигались. Я приложил ухо к рельсам и услышал далекий гул.

До этого я видел поезд только на картинках, однако сразу его узнал. Вот он приблизился и вкатился на мост. На середине реки паровоз коротко рывкнул и выбросил вверх клуб светлого пара. Должно быть, от испуга на небе развеялись последние тучи. Я встал у рельсов впереди костра и замахал руками навстречу поезду. Это было лишним: он сбрасывал ход. Пересек реку и наконец остановился почти сразу за мостом.

Распахнулись двери переднего вагона. Держась за поручни, по лесенке на землю неторопливо спустилась очень серьезная дама. Она была одета в синие юбку и жакет. В Эриаке похуже носили повара, только они были белого цвета. Рыжие кудри серьезной дамы были тщательно уложены. Кажется, это называлось прическа.

Я с некоторой опаской приблизился к дверям.

– Ты что, никогда раньше не видел поезда? – спросила она.

– Нет, – признался я.

– Хочешь стать нашим пассажиром?

Я кивнул головой. От поезда пахло так же, как в заречной кузне у мастера Горовца: разогретым металлом и маслом, которым он смазывал свои изделия. Станный это был запах: чужой и в то же время очень знакомый. А с крыши вагона почему-то тянуло свежим ветерком, хотя ночь выдалась тихая.

– Это маленькая станция Мост, и стоянка на ней короткая! – поторопила меня дама. – Поэтому тебе лучше подняться в вагон.

Я уцепился за поручни и полез вверх по металлическим ступеням. Ничего сложного в этом не было. Дама поднялась за мной и закрыла двери. Потом махнула флажком в окно. Сверху горел фонарь, и его свет показался мне слишком ярким после ночной темноты.

– Следуй за мной! – сказала дама, откатывая в сторону внутренние двери. Я впервые в жизни видел, что двери могут открываться вот так. – И придержишься руками за стенки: поезд сейчас отправляется.

Мы зашли в вагон. На ходу дама ловким движением выдернула из сложенных на полках стопок одеяло и подушку и проследовала вперед. Я невольно задержался. Потому что остановился посреди прохода, разинув рот. И было отчего: вместо потолка в вагоне сияло звездами небо. Такое глубокое, какое редко увидишь даже в тихую летнюю ночь. А ведь на дворе давно стояла осень. И по этому небу катилась луна. Маленькая, словно золотая монета имперской чеканки, на одной стороне которой помещался профиль правителя. Без имени и титула, потому что те располагались на другой ее стороне. Наверно, именно такая луна и должна была катиться по вагонному небу. Стояла тишина, нарушаемая только дыханием спящих пассажиров.

Поезд дернулся и медленно двинулся вперед, набирая ход. На вагонном небе это никак не отразилось. Луна плыла, звезды сияли. Колеса стучали по стыкам рельсов. Сердце мое учащенно забилося: на минуту мне показалось, будто это я, как раньше, иду по небу, а не оно движется вокруг меня. Это добрый знак, подумал я. Так немного по сравнению с тем, что было. Но все-таки лучше, чем совсем ничего.

Поездная дама терпеливо дожидалась, пока я приду в себя. Должно быть, она привыкла к изумлению впервые попавших в ее вагон пассажиров. Дама указала мне на деревянную полку, где лежал набитый свежей соломой толстый матрас. Она положила на него одеяло и взбила подушку. В общем, когда я подошел, постель уже была готова.

– Госпожа, сколько я вам должен? – спросил я ее.

– Одну медную монету! – сказала она, приглушая свой раскатистый голос, чтобы не потревожить спящих пассажиров. – Отдашь мне ее завтра: касса уже закрыта.

– Всего-то? – удивился я.

– Как твое имя? – спросила дама.

– Эйгор. Эйгор Услет.

– Не привык к таким ценам, Эйгор? – усмехнулась она.

– Нет! – признался я.

– Иногда я беру за белье больше, – объяснила мне дама. – Но тебе повезло. Вернее, повезло твоему, на мой взгляд, не слишком толстому кошельку.

Я промолчал, чувствуя, что краснею, и порадовался, что ночь скрывает краску на моем лице.

– Устраивайся на своей полке, Эйгор! – сказала она на прощанье. – Оставь свои вопросы на завтра. Ты засыпаешь на ходу.

Дама была права: глаза мои закрылись, едва голова коснулась подушки. Сквозь сон я слышал перестук вагонных колес. Мне показалось, что он убаюкивал не хуже матушкиной колыбельной.

Проснувшись утром, я сел на лавке, протирая глаза. За окном лил проливной дождь. Вагонные стекла затянула пелена воды, сквозь которую едва просматривался лес. Деревья стояли нахохлившись, ветви их поникли от дождя. Небо было серым от туч, холодным и мрачным.

Зато в вагонном небе всю сияло солнце. Оно поднялось уже высоко, и я подумал, что проспал добрую часть утра. Серьезная дама, как выяснилось, поместила меня в небольшую уютную комнатку с занавесками на окне и пологом из плотной ткани, закрывающим дверной проем. Лавка напротив меня пустовала: судя по отсутствию подушки и одеяла, она была свободна. Пассажиры вставали, ходили, разговаривали. А также спорили, ссорились и шумели. Однако звуки доходили до меня словно издалека и сну не мешали. Может быть, это полог приглушал их? Я пощупал темную ткань: она была плотной, но недостаточно, чтобы заменить собой двери. Поэтому загадка осталась неразрешенной. Голод победил в схватке с любопытством: я решил позавтракать, прежде чем идти задавать вопросы. Под окном к стене был привинчен маленький столик, и на нем я разложил свои немудреные припасы. Взятый из дому сыр уже подсох, а хлеб зачерствел, однако я воздал должное и тому, и другому. Запив завтрак водой из фляги, я откинул полог и отправился осматривать вагон.

Солнце неторопливо шествовало по небу и заливало своим светом длинный коридор. Он тянулся вдоль всего вагона. Конец коридора терялся где-то в серой туманной дали. Пол был чистым и гладким. Таким чистым и гладким, что в нем отражались солнечные блики. Они играли и гонялись друг за другом, словно стайки желтых рыб. По обе стороны от коридора располагались такие же комнатки, как у меня. У многих полог был откинут, и я заметил в них такие же лавки и столики. И такие же окна, в которых лил дождь. Однако разглядывал я пассажиров. Наверное, это были обычные люди. Такие же, как я сам. Но я чувствовал, хотя и не мог объяснить себе, в чем тут может быть дело, что поезд что-то такое делал со своими пассажирами, потому что они уже не казались мне обычными людьми.

Все мужчины здесь были героями. Все как один сошли со страниц легенд или по меньшей мере сказок. Доблестные воины носили на поясе меч. Согбенные старцы с седой бородой, несомненно, были мудрецами. Юноши вроде меня глядели весело и отважно. Здесь встречались музыканты и поэты, трубадуры и певцы. Простые солдаты в запыленных мундирах и офицеры в сияющих кирасах. Генералы, вся грудь которых была в орденах, со своими ординарцами раскладывали на столах карты или планы будущих сражений. Встречались здесь и ремесленники. Два кузнеца под одобрителный свист и гомон зрителей боролись на руках, а могучие мышцы их перекачивались под кожей, словно литые чугунные шары. Молодой сапожник показывал соседу-шорнику золотые парчовые тувельки, которые он сделал для знакомой принцессы. Портной хвастался черным бархатным плащом, на подкладке которого были вышиты небесные созвездия. Переписчик склонился над книгой под перестук вагонных колес.

Все женщины в вагоне показались мне красавицами. Глаза молодых девиц сияли как звезды, щечки их рдели как рассвет, а алые губки были сложены бантиком. Дамы постарше носили дорожные платья с достоинством знатных особ. Пожилые женщины с седой головой мудро рассуждали о погоде, воспитании внуков и видах на урожай. Я смутился, когда одна из них попросила меня принести ей воды: я не знал здешних источников или колодцев. Хотя и сам с удовольствием бы наполнил свою флягу, которая почти опустела.

– Поищите в конце вагона, юноша! – объяснила пожилая дама, вручая мне кувшин. – Большой бак с краном у самых дверей, рядом с купе мадам Августы. В нем вы найдете холодную воду. Горячую воду берут в маленьком баке напротив.

Я двинулся в конец вагона, размышляя, что такое купе. И пока шел, догадался, что так называются комнатки в вагоне. Купе. Если мне придется путешествовать поездом, надо бы запомнить это слово. Интересно, а кто такая мадам Августа? Не та ли вчерашняя дама в форменном синем костюме?

Я набрал воды из большого бака и отнес старушке ее кувшин. Потом отправился исследовать другую сторону вагона. И вот, нырнув в туманную дымку и почти дойдя до ее конца, я вдруг увидел великана. Настоящего великана, который был так высок, что вокруг его головы кружились белые пушистые облачка. Солнце взошло в зенит и светило, казалось, над самой великаньей макушкой. Но сам он этого не замечал, потому что напряженно трудился. В его купе стояла большая доска на деревянных ножках. К этой доске был прикреплен лист бумаги. Мне еще не доводилось видеть таких больших бумажных листов. Великан сначала тыкал кистью в дощечку с красками, которую держал в руке, а потом в этот лист. Бумага сотрясалась, и на ней появлялась очередная большая клякса. Должно быть, этот лист был слишком мал для великана, потому что он раздраженно ворчал. Великаний рык раскатывался в небе отголосками дальней грозы. Белые облачка пугались и торопливо отбегали в сторону. Великан небрежно стряхивал кисть, и капли краски дождем летели на блестящий пол, усеивая его мокрыми темными брызгами.

Я стоял, разинув рот. Я впервые в жизни видел настоящего великана. И впервые в жизни я видел настоящего художника, который оказался этим самым великаном. Нет, я конечно, слышал, что где-то за горами, за долами лежала великанья страна. Может быть, сказочная, а может,

и нет. Каждый из великанов был величиной с гору, и каждый из них был художник. Потому что как раз из племени великанов вышли самые знаменитые художники на свете.

Но слышать это было одно, а видеть своими глазами совсем другое. Я смотрел разинув рот, как великан рисует свою картину. И старался запомнить во всех подробностях. Потому что никто в Эриаке не мог бы похвастаться, что видел подобное зрелище. И уж я-то постараюсь его не забыть. Хотя должен признать, что забыть его было бы трудно.

– Эйгор, позволь представить тебе господина Кубика!

Я слишком увлекся художником-великаном и не заметил, как ко мне подошла вчерашняя дама. Только теперь она была одета не в синий жакет, а в сияющую белую блузку.

– Он прибыл к нам из Загорья! – объяснила она. – Из страны великанов, которая называется Холст. Господин Кубик хочет создать самую необычную картину в мире.

– А что на ней будет нарисовано? – спросил я.

– Боюсь, что господин Кубик и сам еще этого не знает! – ответила дама. – Поэтому он так раздражен. Идем, Эйгор, у меня есть для тебя дело.

– Для меня? – удивился я. – Но откуда вы знаете, что оно для меня?

– Не задавай, пожалуйста, ненужных вопросов!

Я немного обиделся, однако все же последовал за мадам Августой. Она откатила в сторону вагонную дверь, и мы попали в тамбур. Оказалось, что все помещения в поезде назывались по-разному. Например, вагон. Или купе. Это вот помещение называлось тамбур. Оно было тем самым, в котором я очутился вчера, когда садился на поезд. Здесь было прохладно, потому что в оконные щели задувал ветер. Я невольно поежился. По стеклам текла вода – снаружи лил дождь. И он был сильным.

Мадам Августа вручила мне кусок прочной веревки.

– Это будет твоей страховкой! – сказала она. – Ты привяжешься к поручню! Сделай конец покороче: вот так!

Я не знал, что такое страховка. Однако сделал все, как она просила.

Мадам Августа между тем всматривалась в окно, залитое струями воды. Дождь лил как из ведра. Что она хотела там увидеть?

– Это станция Белая Лошадь! – объяснила она мне. – По правилам мы не делаем здесь остановки и принимаем пассажиров прямо на ходу. Ты поможешь девушке забраться в вагон. Не беспокойся – страховочный трос не даст тебе соскользнуть со ступенек. Парень ты ловкий, поэтому справишься!

Снаружи послышался топот копыт и отчаянный крик. Мадам Августа распахнула наружную дверь. Я повис на подножке, держась рукой за поручень. Веревка натянулась и врезалась мне в живот.

Встречный ветер ударил в лицо. Плотные струи льющейся с неба воды сначала не позволили мне разглядеть хоть что-то. Потом я немного проморгался, и стало легче.

По широкой песчаной насыпи рядом с вагоном неслась вскачь белая лошадь. На ее спине сидела девушка. Очень ладно сидела, просто как влитая. Причем держалась она на лошади без седла. Я бы так не смог. Я и с седлом-то был неважным ездоком: своей лошади у нас с матушкой отродясь не водилось. А девушка и без седла легко управлялась со своей: видно было, что она так привыкла.

Кожа на лице девушки была красной. Сначала я подумал, что это от ветра. Но быстро понял, что ошибся: девушка была краснокожей. Я таких еще не встречал. Высокий лоб ее перехватывала кожаная тесьма. Тоже красная, только темнее, чем кожа. Одетая наездница была в кожаную куртку и кожаные штаны. Мокрые насквозь, однако девушку это не смущало. Увидев открытую дверь, она пятками ударила по бокам лошади. Та прибавила ходу. Проливной дождь лил сверху и ветер хлестал в лицо девушки, но она упрямо подгоняла своего коня. Вот в проеме дверей показалась голова лошади. Потом шея. Потом и сама лихая наездница порав-

нялась с дверьми. Она протянула ко мне руки. Не от отчаяния, нет: она словно знала, что я буду делать. Видно было, что девушка не боится этой скачки за поездом против дождя и ветра.

Только у нее самой не получилось бы забраться в вагон. Поэтому я повис на подножке, держась рукой за скользкий поручень и мысленно поминая недобрым словом врезавшуюся в тело веревку. Ту самую страховку, как назвала ее мадам Августа. Веревка мешала мне, и в то же время не давала упасть.

Я что есть сил уперся ногами в лесенку и обхватил наездницу за талию. В ответ девушка крепко обняла меня руками за шею. Ливень последний раз полоснул нас струей воды, ветер взвыл от досады, не желая выпускать добычу. Но все уже было кончено: отважная наездница оказалась в вагоне. Рывок мой был так силен, что мы вместе рухнули на пол в тамбуре. Тяжелая сумка, висевшая на боку девушки, преобильно ударила меня по голове. У меня даже в ушах зазвенело. Зато краснокожая наездница ничуть не пострадала.

Мадам Августа захлопнула дверь и помогла девушке подняться. Я сел, прислонившись спиной к стене тамбура: ждал, когда пройдет звон в ушах.

– Поздравляю вас, милочка! – торжественно произнесла дама. – Вы успели на наш поезд! Как ваше имя?

– Устинаря! – ответила наездница, поправляя съехавший набок ремень своей походной сумки. Что у нее там хранится, подумал я, груда камней?

– Чем вы занимаетесь?

– Я охотница из племени Красных Волков.

– Я почему-то так и подумала! – кивнула мадам Августа. – Кому-то другому было бы затруднительно сесть на поезд на станции Белая Лошадь.

Я наконец поднялся с пола, заметив, что с нас обоих успела натечь изрядная лужа. Я пощупал голову: на затылке набухла изрядная шишка. Зато перестало звенеть в ушах.

– Этот юноша помог вам, милочка! – представила меня дама. – Его зовут Эйгор Услет. Он молод, силен и храбр, что не без успеха и доказал сегодня. Вы оба вымокли под дождем, и я бы рекомендовала вам выпить по чашечке горячего чая во избежание простудных заболеваний. Я завариваю его по собственному рецепту и думаю, что он вам понравится.

Так я оказался в купе у мадам Августы, госпожи проводницы или, как она говорила, распорядительницы пассажирского вагона. Мадам Августа усадила нас с Устинарей на лавку рядом друг с другом, а сама устроилась за столиком напротив. Она разлила чай и заставила нас с девушкой выпить по целой кружке. Такого напитка пробовать мне еще не доводилось. От чая мадам Августы меня сначала бросило в жар, потом в холод. По коже моей пробежал озноб, а на лбу выступили капли пота. Я покраснел, словно маков цвет, потом побелел, будто оказался внутри снежного сугроба. Когда же меня наконец перестало трясти и выворачивать наизнанку, вдруг оказалось, что чувствую я себя просто замечательно, и даже промокшая рубашка на мне каким-то загадочным образом успела высохнуть. Взглянув на девушку, я заметил, что и с ней чай проделал нечто подобное. Щеки Устинарьи покрывал яркий румянец, глаза блестели. Они оказались синие-синие. А волосы охотницы были совсем белыми. Не такими, как у меня самого, а будто седыми. Я подумал, что из-за этого девушка кажется старше, чем она была на самом деле. Но мне она понравилась. Не зря я висел на страховке и мок под дождем.

Обычно-то при встрече с девицей я смущаюсь и потому стараюсь помалкивать. Не умею я болтать, как Деррик, и ухаживать за девушками. Но здесь все было иначе. Может, бодрящий чай мадам Августы на меня так подействовал? Не знаю. Однако почувствовал я себя с Устинарей так легко, словно встретился со старым другом, с которым давным-давно не виделся. Никогда со мной такого еще не бывало. Я вдруг разговорился, да так рьяно, что будь здесь Деррик, уверен, я и его бы переговорил. Я просто соловьем заливался. Про всю свою жизнь рассказал, хотя чего там, казалось бы, рассказывать? Ничего особенного в ней нет, в жизни моей. Если чем и отличался я, так это своим даром. А теперь, похоже, ему пришел конец.

Кому нужен небоходец, который не может ходить по небу? Вот то-то и оно. Про суд рассказывал, не удержался. Ну и про изгнание свое. Все выложил как есть, ничего не утаил. Деррику я, бывало, всего не рассказывал, а тут вдруг поделился. И кому? Девушке, которую вижу первый раз в жизни. Рассказал и про то, что хочу вернуть свой дар. А когда я замолчал, Устинаря вдруг и заявляет мне:

– Я пойду с тобой, Эйгор Услет!

Я даже рот от удивления открыл.

4. Через реку, через лес

Зачем это, думаю, ей со мной идти? У нас ведь обычно девицы дома сидят, за хозяйством смотрят. Не слыхал я о таком, чтобы они куда-то путешествовали, да еще в одиночестве. Не принято у нас так. Ну, то есть в Эриаке не принято. Хотя в других краях может быть по другому, не спорю. Но я там не бывал.

На Устинарью, видно, тоже чай подействовал. Потому что девушка разговорила не хуже меня и про себя нам с мадам Августой рассказала. Мать ее умерла, и осталась она во младенчестве на руках своего отца, Эринара. Тот мачеху в дом вести не спешил и растил дочь один. А так как был он в племени Красных Волков славным охотником, добытчиком и звероловом, и сыновей у него не случилось, то девушка воспитывалась не так, как другие девицы. Совсем не так. Эринар обучал ее всему тому, что знал сам: как охотиться и ловить рыбу, как ставить силки и ловушки, читать следы, знать звериные повадки и птичьи подманки, различать лесные голоса, шорохи и звуки. Много чему учил Устинарью отец. Владеть оружием он дочку тоже научил: и копьем, и ножом, а особенно луком. Стреляла она даже лучше своего отца. А вот мечом охотница не владела: не водилось их у Красных Волков. Как Устинарья скакала на коне, я видел и сам. Мне так и с седлом не проехать, а Устинарья умудрялась управляться без седла.

Так невольно и вырастил Эринар из дочки воина. Потому что охотники ничем от них не отличались. Так уж в племени было заведено: при нападении врага любой охотник садился на своего коня, брал в руки оружие и становился воином. Но удивило меня больше всего то, что Устинарья такая жизнь прилась по душе. Да что там по душе, другой жизни она не знала и не хотела, хоть для девицы это было и странно.

Беда пришла откуда не ждали. Однажды на охоте Устинарья упала в обморок. Да так неудачно, что Эринар едва успел отбить дочь у крупного зверя. Сам покалечился, однако Устинарью все же уберег: она не получила ни единой царапинки. Когда девушка пришла в себя, то оказалось, что у нее случился первый приступ Прорвы. Это была такая болезнь, когда охотник не мог перенести даже вида обнаженной стали. У него начинались судороги, а затем охотник и вовсе лишался чувств. И в таком состоянии он становился легкой добычей для любого хищника. Потому что эта Прорва лишала охотника оружия: он не мог ни расчехлить копье, ни достать нож из ножен, ни даже выстрелить из лука, чтобы тут же не свалиться в обмороке на землю. А после каждого приступа воин долго, иногда два или три дня, приходил в себя. При этом он испытывал такую слабость, что не мог не только ходить, но даже и стоять на ногах. По крайней мере, так рассказывала мне Устинарья.

Прорва оказалась неизлечима. Лекари Красных Волков, даже самые лучшие, не знали средств против этой болезни. Травяные сборы не помогали, только отвары некоторых корней быстрее поднимали охотников на ноги после приступа. Заболевшие воины не могли больше держать в руках оружие, а значит, не могли охотиться и добывать пропитание. Они становились обузой для племени и для самих себя, потому что не могли заниматься своим делом. Приходилось им ловить вершами рыбу или копать на огородах. Благо, Прорва это позволяла. Какая перемена судьбы для тех, кто были охотниками и воинами! Лучшими охотниками и воинами племени, потому что только таких поражала эта странная болезнь.

Самые упрямые охотники, конечно, не сдавались. Они снова и снова пробовали взять оружие в руки. Им даже казалось, что приступы Прорвы слабеют или будто бы переносятся легче. Но это было не так: на самом деле ничего не менялось. Охотники надеялись, что с течением времени их болезнь пройдет. Но надежды их были напрасны.

На последней охоте хищник так глубоко разорвал Эринару сухожилия на ноге, что тот охромел. Отец больше не охотился на крупного зверя, он мог только, как и сама Устинарья, ставить силки на мелкую дичь. Этим, да еще рыбалкой, они и перебивались. Но смириться

со своей судьбой девушка не хотела. Они обратились к старейшине, входившему в совет племени. Старейшину звали Тормин. Он был стар, очень стар. Волос на голове Тормина совсем не осталось, но он был мудр. Самый мудрый человек во всем племени, как говорил девушке отец. Когда-то Эринар воевал под началом Тормина. Так вот, старейшина принял отца и дочь. Сначала он посоветовал Устинаруе забыть об охоте: выйти замуж, рожать детей. Но охотница не отступала от своего. Тогда Тормин, подумав, посоветовал ей оседлать белую лошадь. Перевалить через Запретные Горы и отыскать железного коня. Быстрого как ветер, на которого можно было забраться только на всем скаку. Так Устинаруя и поступила.

– А еще старейшина посоветовал мне найти того, кто также как и я, потерял свой дар! – объяснила нам девушка. – Тормин сказал, что у наших бед один корень и поэтому мы должны идти вместе.

– Разумные слова! – одобрила мадам Августа. – Тебе стоит прислушаться к ним, Эйгор.

– Я ведь и сам не знаю, куда мне идти! – развел я руками.

– В свое время ты все узнаешь! – сказала госпожа проводница, вставая. – А пока, прежде чем отправляться на поиски, следует подобрать себе подходящих спутников. Этим вы теперь и займетесь.

Мадам Августа накормила нас перед дорогой. Потом я сходил за своей сумкой. Устинаруя же так и не рассталась со своей.

– Станция Лепестковая Река! – объявила мадам Августа. Громкий голос ее, словно эхо, раскатился по всему вагону. Поезд замедлил ход, потом совсем остановился. Госпожа проводница открыла дверь.

– От станции на восток ведет старая дорога! – сказала она нам. – Идите по ней.

– А что мы должны сделать? – спросил я.

– Вы поможете тем, кто будет нуждаться в вашей помощи! – ответила мне мадам Августа. – А они потом помогут вам. Не медлите в пути: время дорого, помощь должна прийти вовремя.

И едва ли не выпихнула меня из вагона. Я скатился по металлической лесенке и оказался на перроне. Кажется, так называлась эта штука в книгах. Устинаруя спустилась следом за мной.

Дождь уже перестал. Здесь в самом разгаре была весна. Потому что ветер принес такие запахи, которые бывают только весной. У меня от них даже голова закружилась. От них и еще от удивления. Так неожиданно все получилось: пока мы мило беседовали в купе у мадам Августы, поезд завез нас из осени в весну. Видно, придется мне к этому привыкать.

Мы с Устинаруей подхватили свои сумки и сошли с перрона на дорогу. Две заросших колеи уходили в лес. Судя по всему, ездили по этой дороге нечасто: уж больно заброшенной она выглядела. Но выбора у нас не было, и мы зашагали вперед так быстро, как только позволяли ноги и заросли в колеях.

Солнце вставало над лесом и начинало припекать. Пели птицы. Звенела над ухом мош-кара. Дорога иногда петляла, но заблудиться было бы трудно: мы шли на восток. Как мадам Августа и говорила.

От быстрой ходьбы лицо Устинаруи покраснелось, и я невольно залюбовался им. Может быть, кто-то другой и не назвал бы охотницу красавицей, а мне она сразу понравилась. И лицом, и фигуркой: ладная такая девица. Про таких говорят: крепко сбита. И выносливая к тому же: вон как легко шагает по дороге. Это дело явно для нее привычное. И ростом она была почти с меня. Хотя я сам по нашим городским меркам невысокий. Не вышел ростом, так сказать. Зато крепкий: могу на поле работать от рассвета и до заката почти без роздыха. И по земле хорошо шагаю, не только по небу, чего уж там. Не отстаю от Устинаруи, хоть она и охотница. Почему бы и не шагать? Дышится легко, все кругом цветет, лес своими весенними запахами голову кружит. Птицы вон поют. Ну, я об этом уже говорил.

Шагали мы с Устинарьей рядом, друг на друга поглядывали. С приязнью поглядывали. Но молчали. А что тут такого? Нам и молча хорошо было вдвоем шагать. Зачем лишние слова? Не нужны они здесь. А что переглядывались мы, так ведь весна кругом, и мы оба были молодые. Мне приятно, например, когда девушка на меня смотрит. И ей, надеюсь, тоже от этого хорошо.

Хорошо так мы разбежались, я даже вспотел. Иду, лоб утираю. Гляжу, впереди вода блестит. Река, значит. Ничего себе такая река: широкая, словно наш городской пруд.

Дорога привела нас напрямиком к мосту. Видно, что мост был старый: дерево его почернело от времени. В настиле зияли дыры, перила были сломаны в нескольких местах. Никто, видно, за мостом не смотрел, некому было его чинить. А что, дорога заброшенная, и мост такой же. Подошел я к краю настила, встал осторожно ногой на досочку. Хоть и потемнела от времени, но ничего, держит доска. Можно было по ней идти.

А Устинарья отстала. Склонилась к траве, рассматривала там что-то. Внимательно так рассматривала, ну чистый следопыт. А ведь она такая и есть, подумал я. На охоте без этого никак нельзя. Вернулся я к девушке, присел рядом.

– Недавно здесь повозки проехали! – сказала она. – Грузные, и тяжело: вон как трава примялась. Выехали из кустов. Видишь, ветки сломаны? Значит, по лесу к мосту пробирались тайком, не хотели, чтобы их видели.

– Зачем бы это они? – спросил я.

– Должно быть, торговцы эти тайные товары возят.

– Товары, которые властями запрещены?

– Да.

– А поехали они через мост и на ту сторону реки?

Устинарья молча кивнула.

– Ох и рискованные они, должно быть, эти торговцы: по такому мосту с тяжело груженными повозками ездить опасно – можно весь товар в реке утопить! – заметил я, мрачней. – И для нас это плохо: нам ведь в ту же сторону шагать, по этой самой дороге.

Пошли и мы через мост. На середине я не удержался, остановился и вниз посмотрел. Высоко, однако. Но не выше, чем с нашей городской плотины смотреть. И сразу мне стало ясно, почему реку, а за ней и станцию называли Лепестковой. Под мостом, кружась по воде, проплывали белые яблоневые лепестки. Каждый лепесток был словно крошечная лодочка. И их было много, они засыпали всю реку. Красота! А еще сверху, с моста, мне вдруг так захотелось подняться в небо. Не удержался я, попробовал: вдруг получится. Только без толку, конечно: не вернулся ко мне мой дар, нечего об этом и думать. Грустно мне стало, и красота речная показалась не такой уж и красивой. Ни к чему мне это теперь.

Перебрались мы с Устинарьей на другой берег реки и заторопились дальше.

– Плохо, что никакого оружия у нас нет! – вдруг сказала девушка. – Не нравятся мне эти следы. Кто знает, какие люди в тех повозках сидят, что тайные товары возят?

– Даже если бы у нас и было оружие, что толку? – пожал я плечами. – Ты им пользоваться теперь не можешь, а я и не обучен им владеть. Вот разве что палку себе попробую найти. Крепкую, вроде посоха.

Кулачные бои, что у нас в Эриаке устраивались каждую осень после сбора урожая, я не любил, а вот на палках со сверстниками сходиться доводилось. А что? Руки у меня сильные, а ноги не только на высоте, но и на земле стоят крепко. Свернули мы в лес и поискали себе оружие. Вскоре я поднял с земли вполне подходящий сук, увесистый, немногим более моего роста. Хорошая такая палка, гладкая и совсем почти прямая. Покидал я ее из руки в руку, оценил. Вместо дорожного посоха будет и для драки, случись чего, подойдет. Гляжу, и Устинарья подобрала себе похожую по руке. Только собрался я дальше идти, как охотница меня остановила.

– Слышишь? – спросила она меня.

- Нет. А что я должен слышать?
- Женщина кричит.
- Где?
- Дальше по дороге.

Ну и слух у Устинарьи оказался! И немудрено, она все-таки охотница. Я услышал крики, только когда мы осторожно так, лесом, ближе к тому месту подобралась. Девушка в лесу словно преобразилась: ступает беззвучно, ни веточка под ее ногой не хрупнет, ни кустик не шелохнется. Крадется между деревьев словно тень себя самой. Не услышишь и не разглядишь, мне бы так.

Подобрались мы с охотницей поближе к дороге и засели в кустах. И вижу я сквозь ветки девицу, которая вопит что есть мочи. Но похоже, что не от страха она вопит, а ругается на кого-то. Горячо так ругается, от всей девичьей души. За спиной девицы прячется белый пони, маленькая такая лошадка. И вот она-то, как я замечаю, боится. По-настоящему боится, даже шерстка ее белая дрожит. А девице хоть бы что, она страха не ведает. Бесстрашно себя ведет.

Дорогу девице загородил верзила. Высокий такой, одетый в обноски. Только видно, что обноски эти были когда-то одеждой богатого человека, торговца или даже благородного. На боку у верзилы висит меч, а на рукояти меча сияют драгоценные камни. Тоже, выходит, не простое оружие. Хотя сам-то верзила так прост, что дальше некуда: за лигу видать, что разбойник. На лице застарелый шрам, и все-то оно у него какое-то кривое, глаза злые и бегают так нехорошо. Разбойник презрительно усмехается: видно, что с девицей он играет пока. В кошки-мышки. А как наиграется, быть беде.

Помимо верзилы я насчитал еще четверых разбойников. Но эти уже не такие здоровяки: и ростом пониже, и статью пожиже, как у нас говорится. Одеты в совсем уже рвань, но оружие и у них хорошее: все при мечах, а двое еще и с копьями. Короткими, правда. Может, даже и самодельными, но радости это нам с Устинарьей вряд ли добавит. Ведь как с ними справиться, если на две наших палки выходит не меньше пяти их мечей? А справляться как-то нужно. Добрым словом, вижу, здесь не помочь: доброе дело требуется. Желательно подкрепленное кулаком и каленой сталью. Только где ее взять в глухом лесу, эту каленую сталь?

Ну, думаю, один у меня выход: попытаться отвлечь разбойников на себя, а девица тем временем пусть ноги уносит вместе со своим пони. А еще лучше уносит на нем. Зачем она с лошадки-то со своей слезла? Храбрость захотела показать? А показала глупость свою. Кто же с разбойниками разговоры говорит? С ними или драться нужно, или бежать что есть мочи. А в ее случае и выбора никакого нет: только бежать. Спасаться. Ну, это я так еще мягко выразился. А хотелось-то мне другого чего сказать, да вслух нельзя было: при дамах такие вещи не говорят. Потому что, вижу, мне свою голову подставлять придется, чтобы эту отважную, но глупую девицу из беды выручить. И еще непонятно, как оно все повернется: слишком уж много мечей на одну мою палку. Я-то ведь, в отличие от Устинарьи, никогда себя воином не считал. Да и она теперь не воин, потому как оружие в руках держать не может. Плохи были наши дела.

Верзиле, видно, игры уже надоели: он перестал ухмыляться и протянул свою ручищу к девице. Схватить ее захотел. Но та оказалась проворней: увернулась, выхватила из ножен на поясе кинжальчик и ткнула им верзилу в руку. Верзила взвыл от боли. Зажал другой рукой пробитую ладонь и лягнул отважную девушку. Ногой лягнул, да с такой силой, что та отлетела на обочину дороги и упала в траву. Разбойники кинулись к ней.

Ну, думаю, пришло наше с Устинарьей время: лучшего момента для внезапного нападения не будет. Перехватил я поудобнее свою палку и выскользнул из кустов. Первого разбойника я свалил просто: настиг и ударил сзади по голове. Тот не издал ни звука, сразу упал. Второй, видно, успел что-то заметить. Вот только развернуться не успел: получил палкой в лицо, завопил от боли и свалился в дорожную пыль. На этом мое везение кончилось. Вернее, наше

с Устинарьей везение, потому что охотница, как выяснилось, с палкой управлялась гораздо хуже. Ясное дело, это все же не оружие. Вернее, не настоящее оружие: к палке тоже привычка нужна. У охотницы ее, конечно, не было. Поэтому Устинарья никого из разбойников свалить не могла.

А тут еще беда подоспела. Отважная девица, вижу, как упала в траву, так и не поднялась больше. Крепко ей верзила приложил. Испугался я за нее: как бы не убил совсем с такой-то силищей. И весь мой план от этого насмарку пошел: никуда девица теперь убежать не могла. Значит, и мне не время было бегать. Только и сделать-то я мало что мог, с палкой против мечей. Потому как именно за них разбойники и взялись, недолго думая. Оборотились и напали на нас с Устинарьей. Охотница моя как увидела обнаженные мечи разбойников, сразу побледнела. Не от страха, ясное дело, а от этой самой своей Прорвы. Скрутил ее приступ болезни. Отступила Устинарья на несколько шагов, глаза у нее закатились, и рухнула моя охотница обратно в кусты. Те самые, из которых мы вышли. Остался я совсем один. Ну, думаю, тут и смерть моя пришла.

Однако отбиваюсь кое-как, кружу по дороге. Разбойники, ясное дело, насаждают на меня, гонят в три оставшихся меча, как затравленного зверя. Думаю: заману их подальше. Глядишь, девица очнется и, коли не ушиблась головой от удара и сможет ехать, то ускачет на своем пони. И чего ее одну в лес понесло?

Верчусь юлой, но против мечей с палкой много не навоюешь. Чувствую, что слабею, из последних сил свое немудреное оружие в руках держу. Вот-вот меня достанут, не один, так другой. Тут мне и конец. Ох, думаю, придется уносить ноги. Заодно разбойников на себя отвлеку, если получится.

Вдруг слышу: затопали копыта по дороге. Вижу: скачет на разбойников огромный белый конь, никогда такого не видел. Глаза у коня горят яростью битвы. На нем сидит всадник, а у всадника в руке меч блестит. Всадник высокий и крепкий, мечом машет, только свист стоит. Он легко выбил оружие из рук верзилы и оглушил того ударом по голове. Плашмя. Добрый попался малый, не захотел его убивать. Показалось ли мне так с перепуга, нет ли, не знаю, но проделал все всадник играючи, словно шутя. Остальные два разбойника даже не пытались защищаться, а сразу дали стрекача в лес.

Вложил всадник меч в ножны, спрыгнул с коня и ко мне подошел.

– Кто ты такой, юноша? – спрашивает он меня.

Я опустил свою палку и назвался.

– Что ты здесь делаешь?

– Пытался вот выручить девушку из беды! – объяснил я всаднику. – И сам в нее едва не угодил. Если бы не вы, господин хороший, простите, имени вашего не знаю...

– Мое имя Эйвин! – представился он. – Я мастер Росток, родом из Яблоневого Сада.

И добавил, видя мой непонимающий взгляд:

– Это королевство, что лежит за Лепестковой рекой.

Никак, благородный господин, подумал я. А может, из купцов: больно уж неказистый лицом. Глазки маленькие, темные, нос картошкой. Но выправка, как у хорошего солдата. Вернее, у офицера. И держится он как благородный. Должно быть, из младших детей какой-нибудь сильно титулованной особы.

– Благодарю вас, мастер Росток! – поклонился я ему. – Вовремя вы подоспели со своим мечом!

– Ты храбрый малый, Эйгор! – кивнул он. – Я видел, как ты сражался: не всякий выйдет с палкой против мечей. Поэтому я и поспешил на помощь: не должны носители стальных клинков нападать на безоружного, да еще и втроем на одного. А где эта девушка, которую ты защищал? На дороге я вижу только белого пони.

– Это ее лошадка! – объяснил я. – А сама девица лежит вон там, в высокой траве. Этот верзила ударил ее, да так сильно, что боюсь, ей не поздоровилось.

– Я посмотрю, что с ней! – сказал он. – А ты пока свяжи разбойников: я должен передать их в руки местного судьи.

В мешке одного из негодяев нашелся моток веревки. Не особо церемонясь, я совсем лишил возможности двигаться три лежащих на земле тела. Верзилу я вязал с особенным удовольствием. Потом я поспешил к Устинару. Я беспокоился за девушку: несмотря на свою болезнь, охотница не побоялась вступить в схватку с разбойниками. Она сделала что могла, и не ее вина, что Прорва оказалась сильнее.

Девушка лежала на земле на том самом месте, куда она, как я помнил, и упала. Ей даже не хватило сил, чтобы поползти поглубже в кусты. Глаза Устинару были закрыты, красная кожа стала чуть ли не такой же белой, как у меня самого. Тело девушки временами сотрясали судороги. Я расстелил на обочине дороги свое походное одеяло и осторожно перенес на него Устинару. В себя она так и не пришла. Весила она не так уж и мало. Хотя поменьше, чем я сам, конечно.

А вот мастеру Ростку повезло: девушка, которую ударил атаман разбойников, очнулась почти сразу. Смотрю: она уже ковыляет ко мне потихоньку, опираясь на подставленное господином Эйвином плечо. Следом за хозяйкой, уныло опустив голову чуть ли не к самой земле, бредет белый пони.

– А это кто такая? – удивился мастер Росток, увидев охотницу.

– Устинару, девушка-воин из племени Красных Волков! – представил я ее. – Моя добрая спутница.

– Что с ней? – спрашивает мастер Росток.

– Ослабела от болезни! – объясняю я. – Хорошо бы напоить ее чем-нибудь согревающим и бодрящим. Нет у вас такого с собой?

– Есть! – отвечает за него незнакомка.

Морщась от боли (видно, крепко ей досталось!), она вынула из седельной сумы своего пони маленькую фляжку и протянула ее мне. Сначала я сбрызнул на лицо охотницы водой. Потом, когда она открыла глаза, осторожно поднес к губам девушки горлышко фляги. Охотница сделала глоток-другой и закашлялась. Смотрю я: взгляд Устинару постепенно прояснился, а лицо из бледно-розового снова стало красным: она ведь краснокожая.

– Ты можешь говорить? – спросил я ее.

– Да! – ответила она. Хрипло так ответила, но все-таки.

– А сидеть?

– Не могу, Эйгор.

Я кивнул головой и укрыл охотницу своим плащом. Пусть полежит пока и отдохнет. От напитка незнакомки Устинару явно полегчало, но силы к девушке еще не вернулись.

– Позволь тебе представить, Эйгор: это донна Мария Аль Варсио! – сказал мастер Росток. – Представительница древнего и богатого эс-панского рода. Во многом благодаря тебе эта знатная дама не попала в руки разбойников.

Я с поклоном вернул донне Марии фляжку. Она взболтала содержимое, сделала изрядный глоток и заметно повеселела.

– Лучшее амахарское вино, настоящее на целебных травах! – сказала она, укладывая фляжку обратно в седельную суму. – Благодарю тебя, славный юноша, за своевременную оказанную помощь! Леса на севере Эс-Паньи заселены мало, солдат здесь нет, и разбойники совсем распоясались! Но я думаю, дон Орант скоро примет меры и пресечет эту незаконную торговлю через реку. Тогда им не поздоровится! Благородный дон Эйвин, твоему доблестному мечу мы обязаны спасением от этих злодеев!

И милая молодая дама хорошенько лягнула связанного верзилу.

– Негодяй должен быть немедленно казнен! – заявила она. – По эс-панским законам разбойное нападение на благородную даму карается смертью. Ты как представитель благородного рода имеешь полное право судить разбойника и привести приговор в исполнение.

– Пусть им лучше займется местный судья! – поморщился мастер Росток. – Я не хочу перебивать его хлеб.

– Тогда я сделаю это сама! – заявила гордая донна, выхватывая из ножен свой кинжальчик.

Господин Эйвин едва успел схватить разгневанную девицу за руку.

– Разбойники могут вернуться за своим атаманом! – воскликнула эс-панская девица. – Поэтому нам надо избавиться от него, и как можно быстрее!

5. Бегом, верхом и на поезде

Похоже на то, что здешние леса кишат лихими людьми, подумал я. Тогда нам и правда повезло встретить мастера Ростка. На дороге, полной разбойников, просто необходимо иметь среди спутников благородного меченосца. Не для этой ли встречи мадам Августа отправила нас сюда? И если так оно и было, то откуда тогда она об этом узнала?

– Разбойник еще может нам пригодиться! – возразил господин Эйвин. – Но ты права, донна Мария: нам стоит поторопиться.

Вдвоем мы забросили так и не пришедшего в себя, а может, и притворяющегося таким верзилу на спину высокого белого скакуна, на котором приехал мастер Росток. Устина-рю я усадил в седло белого пони. Но девушку все еще шатало от слабости, и сама держаться в седле она не могла. Когда мы тронулись в путь, я шел рядом и помогал охотнице не свалиться с маленькой лошадки. Это было все-таки лучше, чем если бы Устина-рю попыталась идти сама. Наверняка у нее ничего бы не получилось: приступ Прорвы совсем лишил охотницу сил.

Скоро мы добрались до развилки дорог. На юг уходили две колеи с выбитой повозками травой. Мне показалось, что следы были свежие: колеи не успели просохнуть. Должно быть, завезенные без пошлины товары здесь были в цене: на телегах по этой дороге ездили часто и много. Донна Мария отговорила нас сворачивать на юг.

– Разбойники могут устроить засаду на торговый караван! – объяснила она. – Они часто так делают. Безопаснее будет идти на восток.

И мы пошли. Хотя быстро об этом пожалели: дорога становилась все уже и хуже, а заросли вокруг все гуще. Скоро выяснилось, что мы движемся уже не по дороге, а по тропе, петляющей меж древесных стволов. Лошади не повозка, они здесь проходили, но ветви деревьев цеплялись за нашу одежду или норовили исподтишка ударить по лицу. Что-то пошло не так, как надо. Но как было надо, я так и не узнал, потому что Устина-рю навалилась мне на плечо и прошептала в самое ухо:

– Нас преследуют!

– Кто? – удивился я.

– Люди. Много людей.

Все-таки острый у нее был слух. Даже в болезни. Кто нас мог преследовать? У меня и сомнения не возникло, кто это мог быть. Думаю, что и у охотницы тоже. Ясное дело, это были те, кому мы успели досадить. Те, чей главарь теперь мешком висел на спине белого коня. Скаун, кстати, мог бы взять нас всех и даже не вспотеть при этом, настолько он был могуч. Хотя, может быть, мне так только казалось, потому что господин Росток шагал впереди и вел коня в поводу. Я его окликнул и сообщил то, что сказала мне Устина-рю.

Донна Мария побледнела и заявила, что нужно идти быстрее. Мастер Эйвин спросил у благородной девицы, далеко ли до ближайшего селения. Тут она призналась нам, что не знает. Оказывается, на севере Эс-Паньи раньше бывать ей не доводилось. Поэтому здешние места донне Марии незнакомы. Выходит, мы заблудились, подумал я. Но вслух говорить этого не стал. А зачем? И так всем стало понятно, что дела наши плохи. Проезжая дорога превратилась в тропу, а вернуться назад мы не можем: как раз угодим в лапы разбойников. Осталось идти вперед. На авось: вдруг, как говорится, кривая да вывезет.

Подхватились мы и прибавили ходу. Через некоторое время я спрашиваю Устина-рю:

– Что ты слышишь?

– Не отстают! – отвечает она. – Даже как будто нагоняют.

– Они пешие?

– Да! – говорит охотница. – Не слышу я конных. Но идут быстро.

Еще бы, думаю я: места эти разбойникам наверняка знакомы, потому как живут они в лесу. Вот и не отстают. Это еще не беда – беда будет, если они обходить нас начнут.

Поспешили мы дальше. Тропа все уже и уже становится. А лес кругом все мрачнее, все непролазнее: деревья стоят темные, стволы в три обхвата. Ветви над головой смыкаются так, что неба и не видать совсем. Под ногами мох лежит, словно плесень. А вдоль тропы папоротники растут, причем выше моего роста. Старая паутина липнет к лицу, только и успеваю ее с ресниц смахивать. Воздух стал душным и каким-то затхлым. Даже дышать им противно. Не стал бы я селиться в таком лесу. И не я один: вон и птицы примолкли совсем, не слышать их стало. В ушах у меня только топот ног раздается да тяжелое дыхание. Все остальные звуки вязнут в папоротнике и паутине.

Иду я рядом с пони, Устинарую за пояс держу. Выбрались мы на полянку. Такую крохотную, что едва хватило места нам четверым разместиться, чтобы дух перевести. Глотнул я воды из своей фляжки, охотницу напоил.

– Обходят нас разбойники! – сообщила она.

Вот и беда пришла. Смотрю: мастер Эйвин стаскивает верзилу-главаря с седла и дает ему хорошего пинка. Тот взвыл во весь голос, а голос у него был громкий. Слышу: загомонили в ответ разбойники с трех сторон. Узнали своего жоака. И верно: недалеко они от нас оказались. Права охотница: обходят нас. Вот-вот окружат.

– Он их немного задержит! – сказал господин Росток. – А нам надо бежать.

Он посадил донну Марию в седло своего коня, и мы побежали. Трещал и ломался под ногами упавший папоротник, ветви деревьев хлестали по лицу. Пони несся вперед так быстро, словно разбойники гнались лично за ним. Я старался не отставать, изо всех сил работая ногами. И при этом еще умудрялся не давать охотнице выпасть из седла. На узкой тропе это было сделать непросто: то и дело я спотыкался о корни деревьев, крушил папоротник или даже натыкался на толстые стволы. Хорошо хоть, они были покрыты слоем мха, и я не успевал набить себе шишек.

Позади нас радостно завопили разбойники, наткнувшиеся на своего главаря. Они оказались даже ближе, чем я ожидал. Нужно было бы бежать быстрее, но я не мог: дыхание мое и без того стало тяжелым и хриплым, ноги гудели, а пот застилал глаза. Хуже всего было то, что мерзкая паутина теперь липла к лицу, а затхлый воздух словно застревал в горле, не давая дышать. Я отплевывался и откашливался на бегу, хрипел и думал о том, что долго так не выдержу. Мне хотелось ругаться, но на это не оставалось ни времени, ни сил.

Наконец мы выломились из зарослей на какую-то лесную прогалину. Под ногами я вновь с удивлением обнаружил дорожные колеи. Здесь бежать было легче, и в голове моей мелькнула мысль, что так мы, пожалуй, сможем оторваться от преследователей. Но в этот момент силы совсем оставили охотницу, и девушка повисла на мне, словно куль с песком. Я заметил, что глаза ее закатились. Устинаруя готова была свалиться с лошади, но мне каким-то чудом все же удалось удержать охотницу в седле. И при этом не рухнуть на землю самому, потому что ноги мои уже заплетались от непомерного напряжения.

– Вот они! Держи их! Теперь не уйдут!

Это завопили наши преследователи. Я оглянулся: разбойники бодро выпрыгивали из зарослей на дорогу и припускали следом за нами. Их длинные черные волосы были собраны в пучки на затылках, смуглые лица блестели от пота, и азарта погони. Скоро, совсем скоро они должны были настичь нас. Лучше бы нам с мастером Эйвином остановиться и принять бой, подумал я. Нужно дать девицам время оторваться от разбойников. На конях они смогут это сделать. Только бы охотница удержалась в седле...

Не успел я до конца додумать эту мысль, как господин Росток резко остановил своего белого рысака. Тот замотал головой и едва не влетел крупом в кусты. Донна Мария руками вцепилась в луку седла, но все-таки усидела верхом. Я же вынужден был следом за разбежав-

шимся пони обогнуть благородного коня с другой стороны и выскочить вперед. И сразу увидел причину нашей остановки.

Лесную дорогу пересекали две стальные полосы. На рельсах стоял поезд. Тот самый, я сразу его узнал. Красноватое, цветом похожее на старую медь дерево вагонов, потемневшие от времени крыши. Большой паровоз пытит, пуская вдоль состава белые, почти прозрачные облачка пара. Я не столько удивился этому зрелищу, сколько обрадовался. Вот она, Кольцевая Дорога, наше спасение! Кто бы ни проложил ее здесь, по этим глухим эс-панским лесам, он сделал доброе дело. Если бы я его встретил, этого неведомого строителя, то по гроб жизни должен был бы поить его пивом и рыбкой копченой кормить.

Я крепче ухватил вдруг заупиравшегося пони под уздцы и рванул вперед. Дверь грузового вагона отъехала в сторону. Из нее выползла широкая доска с набитыми деревянными поперечинами и ткнулась в землю. Вот тебе и лесенка. В проеме двери стоял высокий широкоплечий старик с седой бородой и махал рукой: мол, поднимайся скорее. Я поднажал из последних сил и с разбегу по лесенке втащил пони в вагон. Тут же снял с него Устинарью и уложил охотницу на сложенное в углу вагона сено. Сам с удовольствием рухнул бы рядом, но нужно было спасать остальных.

Старик перехватил меня за руку, как только я попытался покинуть вагон.

– Остановись-ка, юноша! – сказал он гулким басом, легко, словно играючи отодвигая меня с дороги. – Ты свое дело сделал. Дальше я сам.

Несмотря на возраст, силы у старика оказалось явно побольше, чем у меня. Он сдернул с крюков на стене еще одну тяжелую доску с набитыми поперечинами и сбросил вниз. Один конец доски он снова упер в землю, а второй сноровисто закрепил в пазу на полу вагона. Теперь лесенка оказалась достаточно широкой, чтобы по ней мог подняться даже такой большой конь, какой был у господина Ростка. Чем мастер Эйвин, не растерявшись, сразу и воспользовался.

Едва они с донной Марией влетели в вагон, как старик, не раздумывая, сбросил лесенки вниз, на землю, и захлопнул дверь. В нее тут же ударило что-то тяжелое. Должно быть, копье, брошенное одним из разбойников. Или просто дубина. Но было поздно: поезд уже набирал ход. Паровоз взревел, и гудок его прощально раскатился над лесом.

– Что за дурная станция! – проворчал старик, качая своей седой головой. – Вечно на ней случаются какие-то неприятности! Ну куда это годится: я потерял здесь сразу две грузовые сходни.

Он вытащил из кармана синего сюртука синюю же фуражку с красным околышем и поспешно прикрыл ею свои седые космы.

– Позвольте представиться, господа хорошие! – пробасил он. – Любомир Северин. Пассажиры называют меня Фермером. Когда-то я им действительно был, а теперь присматриваю за местной живностью. За лошадами вашими вот готов поухаживать, пока вы путешествуете в пассажирском вагоне. Не сумлевайтесь: обихожу их как должно. Есть у меня и сено, и солома, и добрый овес, и ключевая вода. Стойла, сами видите, крепкие, без щелей, дуть в них не будет. Ежели что, найдутся и попоны, мягкие да теплые. Плата за постой будет самая умеренная. Так что не беспокойтесь, оставляйте у меня своих лошадок, не пожалеете!

Пока благородные господа сговаривались с мастером Северином о цене, я узнал, что большого белого рысака зовут Людвиг Марш, а маленького белого пони – Эсмеральда. Под стать своей хозяйке она оказалась девицей. Такой же своенравной и вспыльчивой, кстати. Эсмеральда пронзительно заржала, не желая расставаться с донной Марией, и попыталась лягнуть господина Северина копытом. Но он показал свою опытность в обращении с животными и как-то быстро сумел успокоить маленькую лошадку. Людвиг Марш вел себя иначе. Он спокойно позволил освободить свою спину от седла и величественно процокал копытами в стойло. Там он надолго припал мордой к кормушке. Проголодался в лесу, бедняга. И то верно: есть-то ему не давали, все скакали да бегали.

Вдоль спины Людвиг Марша лежали два больших матерчатых чехла. Мне стало интересно, что в них спрятано. К моему сожалению, господин Росток распорядился чехлы не снимать, коня кормить и поить вволю, но лишний раз не беспокоить. Мол, Людвиг Марш как боевой конь не любит, когда к нему прикасаются чужие руки. Фермер спорить не стал, хотя по лицу его было видно, что он не очень-то доволен таким положением вещей. Мастера Любомира можно было понять: ему словно бы не совсем доверяли. Однако он промолчал и ничего не ответил на это господину Ростку. Решил, видно, что у благородных свои причуды.

Устинаря между тем немного пришла в себя. Я помог ей подняться и, придерживая за талию, отвел в пассажирский вагон. Там она со вздохом опустилась на соседнее с моим место и попросила пить. Лицо девушки было бледно-розовым и усталым, а глаза казались тусклыми синими стеклышками. Видно было, что наше стремительное бегство от разбойников совсем вымотало ее. Мне стало жаль охотницу. Я взял фляжку и отправился за водой, надеясь встретить мадам Августу.

И надежда моя сбылась. Белая блузка госпожи проводницы выделялась среди разноцветных одеяний пассажиров словно первое снежное пятнышко среди осенних лесов. Я попросил ее помочь Устинаря

– Если бы вы снова напоили ее своим замечательным чаем, – сказал я, отчего-то краснея, – то охотнице стало бы легче.

Мадам Августа, женщина хоть и строгая, но добрая, откликнулась на мою просьбу. Осмотрев увядшую, будто осенний цветок, девушку, она многозначительно покачала головой:

– Боюсь, чаем здесь не поможешь! – сказала госпожа проводница. – Потребуется другое средство. Гораздо более сильнодействующее.

Из бокового кармана юбки она извлекла маленькую плоскую фляжку. Ту самую, из которой, как я заметил, иногда потчевала едущих в вагоне пожилых дам. Едва эта фляжка появилась в руках мадам Августы, как те приходили в неописуемый восторг и шумно выражали свое одобрение. Пожилые дамы и сами часто просили госпожу проводницу полечить их от простуды. Или от головной боли. Или от сердца. Ну, и от всего остального тоже. И я не видел, чтоб мадам Августа отказала хоть одной такой пассажирке. Из своей фляжки она наливала лекарство в маленькую, не больше наперстка, рюмочку. Больные выпивали его все, до капли, и после этого у них отчего-то начинали слезиться глаза, а щеки наливались румянцем. Лекарство действовало безотказно и всем помогало. И я подумал о том, то за удивительный напиток находится в этой фляжке.

Когда охотница выпила лекарство, то глаза ее не заслезились. Нет, они распахнулись на поллица от удивления.

– Откуда вы взяли эту траву? – воскликнула девушка. – Ведь это же...

– Тс-с, милочка! На самом деле растение это встречается не так уж и редко! – сказала мадам Августа. – А польза от него большая. Особенно ценным считается настой из корней. Только нужно уметь его приготовить. Ну как тебе, не горчит?

– Нет! – покачала головой Устинаря.

– Это потому, что для вкуса туда добавлен мед. Ну, и еще кое-какие ингредиенты, всего тебе знать не обязательно. Девушка ты крепкая, даром что охотница, поэтому силы к тебе скоро вернутся. И так же скоро понадобятся, потому что путь вам предстоит дальний.

– Откуда вы знаете? – спросил я.

– Логика мне подсказала! – пожала плечами мадам Августа. – Ты ведь не передумал идти искать средство, чтобы вернуть свой дар?

Я не знал, кто такая логика, однако с уверенностью кивнул головой: нет, я не передумал.

– Мадам Августа, а вы знаете, куда нам надо идти?

– Собственно, нет у вас особого выбора! – ответила мне госпожа проводница, пряча заветную фляжку в карман. – Но об этом мы поговорим позднее, когда вы соберетесь вместе.

Пока же Устинарье нужно отдохнуть, а потом как следует подкрепиться горячим и сытным обедом.

И она покинула наше купе. Мы с охотницей переглянулись и решили подождать остальных. Тех, кто должен собраться вместе. Долго ждать их нам не пришлось. Вскоре нас отыскал мастер Эйвин, закончивший свои дела в вагоне у господина Северина.

– Пообедаете с нами? – спросил он. – Оказывается, в поезде есть свой трактир на колесах. Он называется «вагон-ресторан».

– У меня денег нет! – признался я ему.

– Обед за мой счет! – сказал господин Росток. – Я кое-что задолжал тебе в лесу, и донна Мария тоже.

Насчет долга мастер Эйвин, конечно, преувеличил. Уж если кто кому и задолжал, так это мы все ему самому. Но посидеть в трактире на колесах мне было интересно. Вернее, в вагоне-ресторане. Да еще в такой вот благородной компании. До этого мне как-то не доводилось иметь дел с благородными господами. У нас в Эриаке они не водились. Впрочем, мастер Эйвин мне пришелся по нраву: в отличие от донны Марии он вел себя просто и не выпячивал свое благородное происхождение.

И мы с Устинарьей отправились в ресторан. Перешли через громыхающий на стыках рельс тамбур и словно попали в другой мир. Здесь стояла ночь и в вагонном небе горели звезды. Они были такими же яркими, как и свечи. Те, что были расставлены на столиках и развешаны вдоль стен. А самой большой свечкой казался камин на той стороне зала. Пламя плясало в нем, и горячий воздух колебался над каменной чашей. Я втянул ноздрями дразнящий аромат дорогих привозных специй, свежей зелени и вина, и он заставил меня позабыть обо всем на свете. Кроме чувства голода, конечно: последний раз мы с Устинарьей ели, кажется, целую вечность назад.

Донна Мария уже ждала нас за обеденным столом. Скатерть сияла снежной белизной. Откуда-то слышалась негромкая музыка. Я повертел головой и с удивлением обнаружил, что эти красивые звуки издавали гномы. Они играли на серебряных трубах, пилюкали на маленьких скрипках и еще пели. Самый большой и крепкий гном стучал в барабан. Видно было, что это занятие ему очень нравится. Гном просто сиял от восторга.

Я и сам, должно быть, сиял от восторга. Первый раз в своей жизни я видел гномов. Это был целый оркестр из маленьких человечков. Я не мог оторвать от них глаз. До тех пор, пока рядом с нашим столом не появился еще один гном.

– Что будете заказывать? – спросил он и достал из карманчика своей маленькой жилетки карандашик и лист бумаги величиной с ладонь. Оказывается, гном умел писать.

– Для начала бутылочку вина! – попросил мастер Эйвин. – И к нему четыре бокала.

– Красного тарентского! – добавила донна Мария. – Это лучшее вино для весны. И к нему подать винограда...

– Обязательно яблок свежего урожая! – вставил господин Росток.

– Мягкого желтого сыра и коровьего масла! – потребовала девушка.

– Жареного мяса!

– Копченой грудинки!

– Хлеба, разумеется! Обязательно свежего.

– И булочек! Мягких!

– Да, еще филе птицы. Желательно рябчиков.

– А на десерт фрукты и сладости. Халву и орешки в меду.

Маленький человечек повозил карандашиком по бумажке, вежливо поклонился и исчез. Я не успел заметить, куда он делся. Гном словно растворился в полумраке вагона-ресторана. Оркестр играл что-то протяжное и грустное. Я вспомнил наших эриакских музыкантов и решил, что так красиво им, пожалуй, не сыграть: не хватит навыка. Это вам не плясовые

на свадьбах да марши на городских праздниках наяривать. Однако уж больно грустную музыку гномы играют: от нее даже плакать хочется. Или это от голода слезы наворачиваются на глаза?

Гном снова возник у стола и выставил на скатерть бутылку вина и затребованную посуду. Мастер Эйвин лихо выдернул пробку и разлил темную жидкость по бокалам. Донна Мария понюхала вино и недовольно сморщила носик:

– Фи, совсем молодое! Ни в какое сравнение не идет с урожаем прошлого года!

– Ты хорошо разбираешься в вине! – одобрил девицу мастер Эйвин.

– Не хуже, чем в лошадях! – заявила она. – Это у нас семейное. Виноградники и табуны семьи Варсио славятся не только в самой Эс-Панье, но и за ее пределами.

Мы подняли бокалы и выпили вино. Может, оно и правда было неплохое, вот только я привык к другому напитку. Виноград в Эриаке не растет, слишком уж у нас холодно. Зато ячмень вполне себе созревает, и пиво получается отменное. Особенно у мастера Дика в его «Сахарной голове». От выпитого голод стал только больше. Хотя куда уж больше ему было быть?

Наконец гном выплыл из полумрака с большим подносом на голове, и мы, как говорят у благородных, приступили к трапезе. А вот наелся я быстро: готовили в этом трактире на колесах хоть и прямо на ходу, но очень даже вкусно. Ничего не скажешь, здешний повар молодец: умеет управляться с поварешкой. И поставщики продуктов у него отменные. Мясо словно только утром еще по полю бегало и по лесу летало, а булочки были такие мягкие, что сами проскальзывали внутрь. Их даже жевать почти не приходилось.

А когда все насытились, мастер Эйвин предложил объединить наши усилия. Именно так он и заявил.

6. Куда двигаться дальше

– Я хочу добыть Камень Власти! – начал свою речь господин Росток. – Это огромный рубин в тяжелой золотой оправе. Мой отец говорит, что с его помощью можно стать идеальным правителем. Ради этого Камня я и отправился в путь. Однако встреченные нами в эс-панских лесах разбойники навели меня на мысль, что путешествовать в одиночку опасно: из-за нелепой случайности можно лишиться всего, даже собственной головы, и поэтому никогда не найти того, что ищешь. А еще я подумал о том, что встретились мы не случайно. Иначе мы не сидели бы в этом славном трактире на колесах, который мадам Августа назвала вагоном-рестораном.

Мастер Эйвин прервался, чтобы сделать глоток из своего бокала.

– Клянусь Небесами, этот напиток согревает кровь и веселит душу! – воскликнул он. – Донна Мария, должен признать, что в эс-панских землях умеют делать отличное вино!

Девушка зарделась от удовольствия.

– Наши виноградники не знают себе равных во всей Империи! – ответила она, высоко задирая свой прямой и гордый эс-панский нос. – Впрочем, так же как и наши черные амахарские жеребцы – краса и гордость лошадиных стад правящего Дома Орантов.

– Благодарю тебя, прекрасная донна! – отозвался господин Росток. – И приглашаю присоединиться ко мне в этом достойном благородных дам путешествии! Примешь ли ты мое приглашение?

– Если ты поможешь мне, благородный господин!

– Что ты ищешь?

– Новые земли! – призналась девица без всякого смущения. – Я рождена, чтобы править, а в родной Эс-Панье стало слишком тесно! Младшие сыновья благородных донов, и те не имеют доли в отцовском наследстве! Я же всего лишь дочь.

– Разве ты не можешь выйти замуж? – удивился я. – И таким образом получить свою долю земли и всего, что на ней есть?

– Разумеется, могу! – усмехнулась она. – Вот только владеют землей и богатством, как правило, дряхлые и уродливые старики! Я же молода и красива.

– Я помогу тебе получить новые земли, благородная донна! – пообещал мастер Эйвин.

Видно было, что донна Мария понравилась мастеру Эйвину.

– Тогда я иду с тобой!

– А вы с Устинарьей присоединитесь к нам? – обернулся ко мне благородный господин. – Храбрые воины и умелые следопыты всегда пригодятся в подобном опасном предприятии.

– Я не воин! – сказал я.

– Я видел, как храбро ты сражался с разбойниками! – пожал плечами мастер Эйвин. – А твоя отважная спутница обладает отменным слухом и умеет читать следы.

– Устинарья из-за своей болезни не может взять в руки оружие! – предупредил я его.

– Я думаю, что она поправится. А чего ищешь ты, Эйгор?

– Я хочу вернуть свой дар! – ответил я. – Еще не так давно я был небоходцем.

– Это человек, который может ходить по небу? – удивился господин Росток. – Я слышал о таких людях, но никогда их не видел. Сможешь ли ты присматривать за нашими лошадьми, Эйгор?

– Своего коня у меня никогда не было! – признался я. – Впрочем, я видел, как это делали другие.

– Я научу тебя! – пообещал господин Росток. – Это не так уж и сложно. О коне нужно заботиться как о себе самом, и тогда он оплатит тебе любовь.

Я кивнул головой в знак согласия. У меня появились обязанности, но зато появилась и возможность столоваться за казенный счет: дорожный кошель мастера Эйвина явно был набит монетами потуже моего.

– А что скажешь ты, Устинарья?

– Я иду с Эйгором! – просто ответила охотница. – Куда он, туда и я.

Не скрою, мне это было приятно.

– Вот и славно! – заявил благородный господин. – По этому поводу стоит выпить! Официант, принесите еще бутылку вина!

Гном снова растворился в полумраке помещения. Звезды в вагонном небе мигнули. Огонь в камине вспыхнул ярче, и я увидел, что в тени у входа мелькнула знакомая белая блузка. Рыжие волосы госпожи проводницы, казалось, пылали в желтом свете пламени очага.

– Мадам Августа! – воскликнул мастер Эйвин. – Я надеялся, что вы придете! И вот вы появились – как нельзя более кстати!

– Я всегда прихожу вовремя! – пожала плечами госпожа проводница.

Рядом с нами тут же возник гном. Не тот, что отправился за вином, а другой. Он принес стул для мадам Августы: чувствовалось, что ее здесь уважали. Потом появился и первый: он принес бутылку вина и еще один бокал.

Я заметил, что при появлении госпожи проводницы благородное личико донны Марии презрительно сморщилось. Похоже было, что девица невзлюбила мадам Августу. Возможно, за то, что власть в пассажирском вагоне поезда принадлежала этой серьезной даме, и делиться ею госпожа проводница ни с кем не собиралась.

Она забрала у гнома вино и сама разлила его по бокалам.

– Вы уже уговорились, что пойдете дальше вместе? – спросила мадам Августа у мастера Эйвина.

– Я помню ваш совет, достопочтенная госпожа проводница! – кивнул тот.

– Придется внести поправку: вас будет не четверо, а пятеро. Последний участник похода очень скоро присоединится к вам. Давайте выпьем за успех вашего предприятия!

Мне ничего не оставалось делать, как вновь поднять свой бокал. Неужели все образованные люди пьют только вино? Или это потому, что у них принято говорить тосты? Станный обычай. Впрочем, наши городские богатеи и купцы из тех, что получили образование, тоже так поступают. А я вот неуч, и все, что знаю, почерпнул из двух-трех прочитанных отцовских книг и рассказов матушки. Она у меня умница, и много чего успела вложить в мою голову. Несмотря даже на то, что я в своем возрасте, как и прочие молодые оболтусы, не очень-то ее и слушал. Хоть и любил. И сейчас, конечно, люблю. А пить все равно предпочитаю пиво: я к нему привык. Необразованный, что с меня взять.

Выпили мы за успех, и мадам Августа стала объяснять, что нам делать дальше. Это было интересно, конечно. А еще интереснее было бы узнать, откуда она все это знает? Но спросить я не решился: как-то язык не поворачивался. И не меня одного, похоже, робость одолела: никто ведь госпожу проводницу ни о чем таком не спросил. Даже мастер Эйвин, уж на что благородный. Нет, все сидели и слушали, разинув рты. Ну и я, понятно, тоже.

Оказалось, что нам нужно будет пересечь пустыню и отыскать мудреца по имени Сфинкс. У него мы могли узнать, как обрести то, что искал каждый из нас. Добраться до Сфинкса было не так-то просто: он жил на уединенном острове посреди озера. Кроме того, на мудреца иногда находило, и он отказывался принимать посетителей. Запирался у себя внутри, и тогда добраться до него не было никакой возможности. Делал он это для того, чтобы, как заметила мадам Августа, испытать путников. Сфинкс мог устроить им препятствия на дороге. Порой непреодолимые. А еще иногда мудрец просто отправлял своих посетителей восвояси, потому что ему не понравился какой-нибудь никчемный и глупый вопрос. Глупый, разумеется, на взгляд самого Сфинкса. Но бедному посетителю, проделавшему долгий и к тому же опас-

ный путь, от этого вряд ли становилось легче. Я решил, что излишней покладистостью этот мудрец не страдал. И должно быть, имел прескверный характер. Зато уж если посетитель задавал Сфинксу разумный вопрос, тот не брал с него денег. Это меня порадовало: у мудрецов, конечно, могут быть свои причуды, но пусть для приходящих к ним людей они будут хотя бы бесплатными.

– Советую вам запасти воду и продовольствие! – предупредила мадам Августа. – Как для себя, так и для своих животных. В пустыне взять их будет негде.

– Какой вы посоветуете делать запас? – спросил мастер Эйвин.

– При удачном стечении обстоятельств пески можно пройти за день! – ответила госпожа проводница. – А можно плутать в них целую неделю и вернуться назад несолоно хлебавши. Но у вас ведь есть лошади! Вот на них и погрузите поклажу.

После обеда я хотел пойти еще раз взглянуть на великана. Очень он мне понравился. Большой человек, занятый большим делом. Где такое еще увидишь? Дороги в великанские земли я не знаю. Да и с людьми великаны не очень-то любят разговаривать: мы для них ростом не вышли. Поэтому я и хотел налюбоваться вволю эдакой диковиной: вдруг мне в жизни больше не придется встретить великана? А так хоть будет что рассказать... Правда, если подумать как следует, то рассказывать-то мне об этом было и некому.

Но на господина Кубика поглядеть мне не дали. Вместо этого пришлось вместе с мастером Эйвином идти закупать продовольствие, а также воду и зерно для лошадей. А потом таскать туго набитые мешки и тяжелые оплетенные глиняные фляги в вагон, где удобно расположились теперь уже мои питомцы. Я ведь подрядился за ними следить и ухаживать.

Провозился я долго: нужно было решить, какую поклажу можно было доверить Эсмеральде, маленькой белой пони. Потом выяснилось, что раздумывал над этим вопросом я зря: донна Мария наотрез отказалась грузить что-либо на спину своей любимицы. Благородная девица заявила, что ее маленькая лошадка не приучена носить поклажу, словно какой-нибудь деревенский конь. Потому что она самых что ни на есть благородных кровей и взята от лучших эс-панских беговых скакунов, а стоит столько, сколько целый табун обычных лошадей. В ответ мастер Эйвин пожал плечами и велел мне грузить все на Людвига Марша. Что я и исполнил. Впрочем, мне показалось, что этот конь даже не заметил бы тяжелой поклажи на собственной спине. Потому что Людвиг Марш был силен. Я еще никогда не встречал такого высокого и сильного коня. Должно быть, он тоже стоил как целый лошадиный табун.

Устинаря принесла из купе мою дорожную сумку. Завершив хлопоты, я подложил ее под голову и устроился поудобнее на тюке сена для лошадей с намерением подремать перед дорогой. Не то чтобы мне сильно хотелось спать, просто грех было упускать такую возможность полежать на мягком и душистом сене. Но только я закрыл глаза, как мадам Августа объявила, что поезд прибывает на нужную нам станцию, которая так и называлась – Пустынная. Мастер Любомир распахнул свои широкие двери, и по сходням мы с Устинарьей вывели коней на перрон.

Первое, что я увидел, были уходящие вдаль серые пески. Потемневшие от времени доски перрона заканчивались едва ли не сразу у наших ног: станция оказалась совсем маленькой. Здание вокзала (кажется, так его назвала мадам Августа) было сложено из толстых черных бревен и по размеру напоминало собачью будку. Но внутрь мы не попали: на дверях висел ржавый замок.

Мастер Любомир втянул сходни внутрь вагона. Поезд погудел на прощание и, громыхая на стыках рельсов, укатил сквозь пустыню на запад. Я смотрел ему вслед, пока не почувствовал, что замерз. Потому что было холодно: в пустыне стояла зима. Только совсем бесснежная. Я выдохнул воздух изо рта и заметил, что он уносится вверх облачком пара.

– Господа, вы позволите мне присоединиться к вам?

Я обернулся и увидел высокого человека. Тот стоял на перроне и кутался в темный дорожный плащ. Плащ явно был сшит хорошим портным, так же как и камзол, и серые штаны. Высокие кожаные сапоги защищали ноги незнакомца от пыли и грязи, а длинный меч, висевший на поясе, надежно избавлял его от нежелательных дорожных встреч. Если, конечно, уметь с ним обращаться. Судя по всему, незнакомец это умел. Держался он как благородный господин. Вот только не выставлял это напоказ, как делала донна Мария: при виде ее прямой спины и вздернутого вверх носа мне хотелось вытянуться в струнку и щелкнуть каблуками сапог. Я видел, что так делали слуги при виде своих господ. Вот только каблуки моих сапог наполовину сносились, а сами сапоги были слишком стары для продлевания подобных штук.

У незнакомца оказались темные волосы и темные глаза. А также багровый шрам на правой щеке, который делал его похожим на лесного разбойника. Вот только глаза у незнакомца были умные и добрые. Он снял с головы шляпу и учтиво поклонился нашим девицам. Вернее, поклонился донне Марии, потому что Устинарья к подобному обращению не привыкла: простой охотнице оно было и не нужно.

– Позвольте представиться! – сказал он, возвращая свой головной убор на его законное место. – Меня зовут Тиль Арукан. Я служу советником при дворе Его Сиятельства герцога Лирь.

– Какой землей правит ваш герцог? – поинтересовалась донна Мария.

– Наша страна называется Иллирик. Она граничит с Анлией на самом западе Империи.

– Я слышал, анличане очень воинственный народ и беспрестанно воюют со своими соседями! – сказал мастер Эйвин.

Ну вот, началась, как это называется у благородных, светская беседа, подумал я.

– Это верно! – согласился господин Арлекин. – Однако два года назад иллирийцы сумели дать им достойный отпор, и с тех пор на наших границах стало спокойнее.

– Однако же мы отвлеклись! – сказал господин Росток. – Я слышал, вы хотите присоединиться к нам?

– Если это возможно. Мадам Августа сообщила мне, что вы хотите идти к озерному мудрецу по имени Сфинкс. Поэтому я хотел бы присоединиться к вам. Впереди пустыня, знаете ли...

– Мадам Августа предупредила меня о вашем появлении! – сказал мастер Эйвин. – Я буду рад обществу благородного человека, к тому же умеющего владеть мечом! Вместе нам будет легче проделать этот путь.

И он, как полагается, представил обеих девушек, а затем и меня господину Арукану. Тот галантно поцеловал ручку донне Марии, пожал руку Устинарью, а мне поклонился. Так учтиво, словно я и сам был по меньшей мере дворянином. Я даже покраснел.

– Скажи, мастер Тиль, почему ты хочешь встретиться со Сфинксом? – спросила донна Мария.

Девушка оказалась любопытной.

– Я ищу перо Жар-Птицы! – объяснил господин Арукан. – Говорят, оно может исполнить любое желание.

И мастер Тиль рассказал нам, что много лет назад у Его Сиятельства сгорел летний замок. Сгорел дотла, так что остались от него одни закопченные камни фундамента. И в пламени этого пожара погибла жена герцога, которую Его Сиятельство очень любил. А единственная дочь герцога, маленькая Сения Лира, едва выжила. Страшные ожоги навсегда обезобразили лицо девочки. Старые слуги плакали, глядя на нее. Дочери благородных семейств Иллирика наотрез отказывались играть с маленькой Сенией. Так она и выросла совсем одна, превратившись со временем в угрюмую и замкнутую девицу на выданье. Хотя какое замужество может быть у девушки с такими шрамами на лице? Молодые дворяне шарахались от нее как от чумы. А ведь по своему положению Сения была герцогской дочкой и первой дамой Иллирика.

Его Сиятельство, конечно, делал все что мог. Он истратил целое состояние на заезжих имперских врачей. Да только все без толку: их усилия привели лишь, как выразился мастер Тиль, «к улучшению косметического эффекта на неповрежденных пожаром участках кожи». Я не понял, что это значило. Видимо, ничего хорошего, потому что очень уж мудреными оказались слова. Когда больной идет на поправку, врачи обычно говорят что-нибудь попроще. А тут язык можно было сломать. Вместе с головой.

Когда знаменитые доктора закончились, пришло время проходимцев и шарлатанов. Так всегда бывает, я-то знаю. Уж сколько раз подобные людишки пытались подменить небесные камни, выдавая свои никчемные побрякушки за наши знаменитые Облачные Жемчужины. И ведь находились те, кто им верил. Смех, да и только.

Мастеру Тилю и пришлось иметь дело с парочкой таких господ. Тонкого звали Хаммонт, а толстого Пармезан. Последний очень любил сыр. У него даже лицо было такое же желтое и ноздреватое, как будто на шее сидела не голова, а большая головка любимого продукта. Оба проходимца оказались разодеты в бархат и шелк. Правда, бархат лоснился от грязи, а шелк был протерт до дыр. Но их это не смущало. Проходимцы сумели добиться аудиенции у Его Сиятельства и рассказали ему о таинственной Жар-Птице, чьи перья способны исполнить любое желание.

Герцог Лира недоверчиво хмыкнул и дал им два золотых. За хорошо подвешенные языки, как он выразился. Понравилась Его Сиятельству сказка. Потешили его проходимцы. Одетые в потертый бархат и поношенный шелк господина было приуныли, но ненадолго. Они предложили герцогу доставить его верного человека в то место, где он сможет найти Жар-Птицу.

– Эта очень редкая тварь живет в Северных горах! – объяснили они. – И путь туда очень долог. При этом дороги кишат разбойниками, торговые караваны редки, постоянных дворов раз-два и обчелся, а в самом Приграничье людей и вовсе почти не осталось. Места опасные и глухие, поэтому никто там не живет. Однако же вам повезло, Ваше Сиятельство: мы знаем короткую дорогу до Северных гор. Короткую и безопасную. И готовы проводить туда вашего человека. Всего за двести золотых! Клянемся, что через каких-нибудь три дня он будет уже на месте! Не верите? Тогда отдайте деньги ему, и пусть он вручит их нам по прибытии!

Его Сиятельство уже открыл было рот, чтобы выгнать наглых людишек вон. Однако вспомнил, что есть у него такой советник, Тиль Арлекин. Безземельный дворянин, все имущество которого состояло из меча на поясе да головы на плечах. Головы, надо признаться, умной, раз сумел стать герцогским советником. Умной, но отнюдь не незаменимой, как полагал Его Сиятельство. Особенно после того как увидел, какими глазами смотрит на Тиля Сения.

Потому что единственная дочь герцога посмела влюбиться в безземельного дворянишку! Что он о себе возомнил, этот пройдоха-советник! Его Сиятельство разгневался не на шутку и сначала хотел отправить Тиля на южную границу. Командиром гарнизона сторожевой башни. Там очень легко было сложить неразумную голову: английские лучники позаботились бы об этом не хуже дворцового палача. Однако такое простое решение не очень устраивало герцога Лиру: Сения наверняка расстроилась бы, стала просить за наглеца... Возможно, что и плакать. Чтобы избежать этого, Его Сиятельство придумал другой план. И отправил Тиля за пером Жар-Птицы.

– В тебя влюбилась дочь герцога? – недоверчиво хмыкнула донна Мария. – С таким-то шрамом на лице?

– В нем-то все и дело! – объяснил Тиль. – Сения, хотя и молода, но очень умна. И от своего ума имеет много горя. Девушка всерьез решила, что из-за ожогов на лице причинами ее будущего замужества могут стать лишь ее знатность и богатство. Что, мол, никто ее не полюбит. Это, конечно, не так. Но ее жизненный опыт слишком мал: в семнадцать лет трудно думать иначе. И представьте себе, тут на пути Сении встречается человек, чье лицо обезображено

не меньше, чем ее собственное. Я думаю, сначала девушка меня пожалела. Она сама знает, каково это – носить на лице шрам. А потом, к сожалению, и полюбила.

– Ты получил свой шрам на рыцарском турнире? – спросил мастер Эйвин.

– Если бы! – усмехнулся Тиль. – Один из герцогских ловчих на охоте целил копьем в оленя, а угодил в меня, десятилетнего сопляка. Благодаря ему, кстати, я и получил приличное образование: после этого печального случая Его Сиятельство, надо отдать ему должное, и приблизил к себе моего отца. А меня отправил учиться наукам за границу, оплатив полный университетский курс в учебном заведении для сыновей дворян.

– И как ты намерен поступить? – спросила донна Мария, строго прищуривая свои желтые рысьи глаза.

– Я обещал Сении привезти перо Жар-Птицы! – ответил Тиль. – Надеюсь, оно действительно может исполнить желание.

Дальше все было просто: с помощью этих двух прохвостов, тонкого и толстого, герцогский советник и попал на Кольцевую Дорогу.

7. Не так-то просто добраться до Сфинкса

К полудню песок немного согрелся и закрипел под ногами, словно свежавыпавший снег. Мы брели по дюнам след в след: почему-то казалось, что так было легче идти. Высохшие плети одолень-травы под подошвами сапог рассыпались в мелкую пыль. Корявые черные пальцы пустынных ив цеплялись за одежду. Больше здесь ничего не росло. Да и не могло, наверное, вырасти: песок, он и есть песок. Что с него взять, доброй землей он не станет, как ни удобряй. Потому что воде здесь неоткуда взяться. Разве что с неба выпадет. Когда пойдут дожди, например. Если такое здесь бывает.

Пустыня начиналась сразу за станцией. Обойдя здание вокзала, мы увидели грубо выцарапанную на темной стене стрелу. Она указывала прямо на дюны. Какой-то доброхот из проходивших здесь путников приписал снизу «к Сфинксу туда». Не ошибешься, подумал я. И мы отправились туда. Прямоком в пески.

Мы с Устинарьей и мастер Тиль несли свои вещи сами. Впрочем, чего там было носить: запасной плащ, у кого он был, конечно, пара одеял, котелок, фляга с водой. Огниво. Нож на поясе. У охотницы по понятной причине его, разумеется, не было. А у мастера Тиля на поясе висел меч в потертых ножнах.

Впереди шел господин Росток и вел за собой в поводу Людвиг Марша. Огромный белый конь был нагружен продовольствием и водой. Тюки и бутылки громоздились на его широкой спине словно башня. Но Людвиг Марш, казалось, даже не замечал своей поклажи. По крайней мере так это выглядело со стороны. За ним ехала донна Мария на своей Эсмеральде. Девушка куталась в подбитый мехом плащ и временами прикладывалась к маленькой дорожной фляжке. Очень изящной работы, кстати. Дорогая, должно быть, вещь: серебряная с виноградной лозой на боку. Я не знаю, что у благородной донны было во фляжку налито, но щечки ее покраснели явно не от холода, а желтые глаза весело блеснули. Временами я слышал, как девушка мурлыкала себе под нос эс-панскую песенку. Я старался не прислушиваться к словам этой песенки, потому что они заставляли краснеть уже меня самого. Причем безо всякого согревающего напитка. В конце концов я догадался немного отстать от благородной донны, и дело сразу пошло на лад. Но за мной шла Устинарья, у которой слух был гораздо острее моего. Оглянувшись на охотницу, я заметил, что она тоже краснеет. Тогда я отстал еще сильнее, только и всего. Тем более что потерять из виду Людвиг Марша с его горой поклажи на спине было трудно: попробуйте-ка не заметить огромного белого коня на сером песке пустыни! Ведь кроме него и Эсмеральды больше никакой живности здесь я не видел, как ни старался. И Устинарья, кстати, тоже никого не видела, а уж у нее-то глаз был наметан побольше моего. Ни птиц, ни зверей. Ни даже ящериц. Как ни верти головой, кругом виднелось только бледное зимнее небо да серый песок. Пустыня, она и есть пустыня.

Замыкал наш маленький караван мастер Тиль. Он несколько не возражал против нашего отставания. Шел себе, придерживая рукой меч, чтобы не бил по бедру, и думал о чем-то. Крепко так думал, потому что глаза у господина советника были отсутствующие. Видно, мастер Тиль размышлял о своей нелегкой доле. Признаться, я ему не завидовал: добудет он волшебное перо или нет, все равно отправится заканчивать свой век на дальнюю границу. Не захочет герцог видеть своим зятем простого дворянина, да еще и без гроша за душой. Такое только в сказках бывает. Похоже, и сам мастер Тиль не очень этого хотел. Но выбора у него не было: он ведь дал слово вернуться назад с пером Жар-Птицы. Так что думай тут или не думай, поневоле загрустишь.

Мастер Эйвин поднялся на очередную дюну и вдруг остановился как вкопанный. Мы подтянулись следом за ним и замерли рядом. Было от чего: у подножия дюны виднелась тре-

щина в песке. Глубокая, словно пропасть. Она тянулась через пустыню насколько хватал глаз. Хо́да вперед не было.

Я увел лошадей с вершины дюны и расположился с ними на пологом склоне с обратной ее стороны. Мне хотелось заглянуть в трещину. Только желающих проделать это хватало и без меня, а за лошадьми все же следовало присматривать. Людвиг Марш заметно вспотел: от коня пахло и шерсть его была влажной. Нужно было делать привал: все же ноша даже для такого могучего коня оказалась тяжеловатой. Я начал снимать поклажу и складывать ее на песок. Заодно мне пришлось приглядывать и за Эсмеральдой: лошадка топталась рядом, все время порываясь убежать к своей хозяйке. Пришлось даже привязать ее к седлу Людвиг Марша.

Наконец от трещины вернулись остальные, и Устинаря взялась мне помогать. Вдвоем мы насобирали сухих плетей одолень-травы и развели небольшой костер. Когда вода в походном котелке закипела, я забросил в него порезанное кусочками мясо и размолотую пшеничную крупу. А в конце добавил немного сушеной зелени. Я, конечно, не повар, но кое-чего нахватался от матушки. И от Дика Саньи, кстати, тоже. Так что похлебка вышла на славу. А в месте с ней получился и обед.

Поев, мастер Эйвин заявил, что нужно поискать обходные пути.

– Трещина слишком широка, и переправиться через нее мы не можем! – сказал он. – Поэтому мастер Тиль пойдет вдоль нее на юг, а я отправлюсь на север.

– Я пойду с тобой! – заявила донна Мария.

Мастер Эйвин не возражал. Мне показалось, предложение благородной девицы ему было даже приятно. Они быстро собрались и ушли. А мы с охотницей занялись лошадьми: напоили их, накормили и даже укрыли теплыми попонами, чтобы не замерзли. Потом я сходил и заглянул-таки в трещину. Она и правда оказалась глубокой. Такой, что даже дна было не разглядеть из-за густой пелены мелкого песка, висевшей между темными скалами. Да и нечего было разглядывать: никакой живности здесь явно не водилось. Перебраться через эту пустынную пропасть тоже было нельзя: она оказалась слишком широка. Вербку на ту сторону может и докинешь, а зацепить ее там было не за что. Кругом был один песок. Так что можно было мне и не ходить сюда. Ну да делать все равно больше было нечего.

Мы с Устинарей переделали все хозяйственные дела и даже успели поговорить. Она рассказала мне о жизни племени Красных Волков: о том, как у них празднуют наступление месяца Падающих Листьев. Это когда завершается охотничий сезон. А я в ответ рассказал девушке, как мы пели песни и танцевали летними вечерами на площади у плотины. Играл маленький оркестр из двух скрипок и мандолины. Музыка, казалось, плыла над водной гладью. Пары кружились, каблуки стучали по каменным плитам. Вверху кричали потревоженные чайки. Рыба плескалась в пруду.

Вспомнил, и заскучал, конечно. Хотя я и не любил танцевать, потому что не умел. Но смотреть, как танцуют другие, мне нравилось. Особенно приятно было видеть раскрасневшихся от быстрых движений девушек. Впрочем, и парни не ударяли в грязь лицом. Деррик так вообще считался одним из лучших городских танцоров. А мне вот, как это говорится, медведь на ногу наступил. Или даже кто покрупнее: не получалось у меня, и все тут. Я и пробовать перестал, ни к чему это было. Но смотреть на танцы все равно ходил. А теперь вот вспомнил об этом, и хоть плачь, до того тоскливо стало. Но я не заплакал. Только отвернулся от девушки и стал смотреть в пустыню. И увидел, как оттуда как раз возвращаются мастер Эйвин с благородной донной. А вскоре после них возвратился и мастер Тиль.

Выяснилось, что трещину нам было не обойти: она тянулась через пустыню на многие лиги. Конца и края ей не было. Вернее, наши благородные мастера его не нашли. А искать дальше мы не могли: взятый с собой запас пищи не позволял задерживаться в песках дольше двух или трех дней.

– Я никогда не слышал, чтобы в пустыне встречались трещины! – сказал мастер Тиль. – Ее не должно здесь быть.

– Почему? – удивилась донна Мария.

– Потому что если бы она вдруг возникла, то давно была бы засыпана песком. Здесь явно что-то не так.

– Господин советник прав! – поддержал его мастер Эйвин. – Это дело рук Сфинкса.

– Не может этого быть! – воскликнула благородная донна. – Никому из людей не под силу сотворить такое с пустыней!

– А разве Сфинкс – человек? – спросил господин Арукан, пожимая плечами. – То, что я слышал об этом мудреце, позволяет сомневаться в его человеческой природе.

Ну вот, снова непонятные слова, огорчился я. Иногда эти благородные господа словно говорили на другом языке. Но мастер Эйвин, кажется, понял, что хотел сказать господин советник.

– Мадам Августа предупреждала нас об этом! – напомнил он нам. – Сфинкс способен иногда устраивать препятствия на дороге. Там, где их никогда не было.

Верно, госпожа проводница так говорила, вспомнил я. Выходит, мудрец нас испытывает. Или гонит прочь?

– Похоже, нынче у Сфинкса нет настроения отвечать на вопросы путников! – заметил мастер Тиль.

– Неужели нас остановит какая-то трещина? – удивилась донна Мария. – Мы должны переправиться на ту сторону!

– А что по этому поводу думает господин советник? – спросил мастер Эйвин.

– Я должен вас огорчить! – заметил Тиль. – С теми средствами, что находятся у нас под рукой...

Он указал рукой на сложенные на песке наши вещи.

– ...мы не сможем этого сделать. Нам не из чего сделать переправу. И даже при наличии достаточного количества веревок нам не удастся их закрепить на песке. Увы, господа, но это так!

– Должен же быть какой-то выход! – от огорчения благородная донна даже притопнула ножкой по мерзлomu песку. – Сфинкс обязан принять нас!

– И он нас примет! – заявил мастер Эйвин.

Торжественно так заявил.

Господин Росток ласково потрепал по морде Людвиг Марша и снял кожаные чехлы, которые лежали у коня на спине. Тот радостно заржал. Переступил копытами по песку и расправил то, что раньше было скрыто от посторонних глаз. Вот это да, подумал я, никогда еще такого не видел! Донна Мария даже ахнула от изумления:

– У Людвиг Марша есть крылья!

И точно, они у него были. Большие и белые, словно снег. А маховые перья были длинной с мой локоть, не меньше. И сквозь них проглядывало бледно-желтое зимнее солнце. Конь взмахивал крыльями, поднимая ветер, и его веселое ржание далеко разносилось над пустыней. Я поневоле улыбнулся, глядя, как радуется эта бедная животина, столь долгое время поневоле лишенная возможности летать. Будь я на месте Людвиг Марша, радовался бы точно также. Наверное, прыгал бы от восторга.

– Должно быть, в своем королевстве ты считаешься очень богатым и знатным человеком, если можешь позволить себе ездить на крылатом коне! – заметила донна Мария, почтительно склоняя голову перед господином Ростком. – Он ведь стоит целое состояние! Дон Орант, правитель Эс-Паньи, день и ночь трясется над своими амахарскими жеребцами, но они не идут ни в какое сравнение с твоим белым летающим конем!

– Людвиг Марш мой друг! – сказал мастер Эйвин. – Мы выросли вместе.

– Он и правда способен летать? – засомневался господин Арукан.

Вместо ответа мастер Эйвин вскочил в седло и с места бросил коня в галоп. Людвиг Марш как следует разбежался. Потом взмахнул крыльями и полетел. Я мог лишь завидовать ему.

Конь огромной белой птицей кружил в небе, и было видно, что ему не хочется спускаться на землю. Мастер Эйвин не торопил Людвиг Марша: он сам наслаждался полетом. Тот, кто хоть раз поднимался в небо, легко понял бы и коня, и всадника. Мы все стояли на песке, задрав головы вверх, и следили за их полетом. Просто глаз не могли оторвать. Красивое это было зрелище.

Донна Мария напросилась лететь первой. Кто бы сомневался: эта девица своего не упустит. Она бодро забралась в седло и устроилась за спиной мастера Эйвина. Вцепилась руками в его пояс, и они полетели. Но приземлились на той стороне трещины не сразу: прежде господин Росток изрядно покружил над пустыней. Наверняка удовлетворял просьбу благородной донны.

Потом через трещину был переправлен господин советник. Он не восторгался полетом вслух, как донна Мария. Но глаза у мастера Тиля сияли, это было видно даже издалека.

Потом пришел черед Эсмеральды. Я пропустил две веревки под брюхом пони и закрепил их концы на спине Людвиг Марша. Мощный конь неожиданно легко поднял вверх маленькую лошадку. Ух как она ржала, требуя вернуть себя на привычную землю. Я думал, что оглохну, пока они долетят. К счастью, мастер Эйвин управился быстро.

Потом в полет отправилась Устинаря. Еще раньше я заметил, что охотница легко краснеет. Да и кожа у нее была такого подходящего цвета. Поэтому не мудрено, что щеки девушки просто пылали, когда она оказалась в небе. При этом Устинаря, в отличие от благородной донны, не издала ни звука. Она вообще была девушкой молчаливой. Наверно, так ее воспитывали в племени. Неплохо, кстати, воспитывали, на мой взгляд.

Потом мастер Эйвин за две ездки перенес на ту сторону наши вещи. И вот, наконец, в полет отправился и я. И немного разочаровался, признаться. Летать на крылатом коне оказалось вовсе не то же самое, что ходить по небу самому. Чего-то мне все-таки не хватало. Может, я просто привык делать это по-другому? Впрочем, огорчился я не очень сильно: все равно летать было здорово.

А потом мы опять уложили вещи на беднягу Людвиг Марша, которому больше всех пришлось потрудиться на этом пустынном переходе. Солнце-то на месте не стояло, и зимний день был короток. Мы скорым шагом двинулись дальше. Ночевать в пустыне не хотелось никому. Холодно, кругом один песок. И очень плохо с дровами. Поэтому мы спешили добраться до долины, в которой жил Сфинкс. В надежде, что там будет теплее. Ну или хотя бы будет не так безжизненно, как в зимней пустыне.

Мы шли так быстро, что я успел весь покрыться потом. Наконец впереди показались горы. Невысокие старые горы со скругленными от времени и ветра вершинами. Мы поднялись на перевал и остановились перевести дух.

Долина внизу мало отличалась от пустыни. На первый взгляд. Внешние склоны ее покрывал песок. Зато внутри рос лес. Настоящий густой сосновый лес. Зеленый даже зимой. Сквозь кроны сосен блестела синяя озерная вода.

Над водой поднимался остров. Серые скалы на его берегах напоминали крепостные стены, потому что плотно примыкали одна к другой. Они казались очень высокими. Там, посреди озера, за этими самыми скалами и обитал Сфинкс. Так говорила мадам Августа.

Солнце уже садилось. Поэтому мы не стали задерживаться на перевале и поспешили вниз. На мерзлом песке не оставалось следов, зато в лесу мы наткнулись на тропу. Широкую и так хорошо утопанную, словно здесь прошли сотни ног. Может, даже тысячи. Не зря мы торопились, подумал я, глядя на древесные кроны над своей головой. Гораздо лучше будет заночевать под соснами, чем на голом песке.

Но мастер Эйвин, ведя в поводу Людвиг Марша, и не думал останавливаться на ночлег. Он спешил вперед.

Наконец тропа привела нас к воде. На закате солнца скалы острова отливали алым. Я еще раз поразился тому, насколько он похож на крепость. Не то чтобы я в жизни видел много крепостей. Ни одной не видел, если честно: вокруг Эриака не было стен. Ни деревянных, ни каменных. Зато в отцовых книжках, которые я читал, были отличные рисунки. По ним можно было изучать эту, как ее, фортификацию. Сразу и не вспомнишь, однако: уж очень мудреное словечко.

От берега к острову был выстроен мост. То есть не совсем мост, скорее уж, его остатки. Вернее, развалины моста. Так мне показалось сначала. Несколько пролетов изгибали над зимней водой свои высокие каменные спины. По гребню моста шла тропа. Узкая, словно лезвие ножа. Позднее я узнал, что мост так и называется – Кинжальный. И пройти по нему было ох как непросто, тем более с нашими лошадьми. Потому что перил у моста не было. А сами камни были старыми, со стертыми вершинами. Ненадежные под ногой, словно подтаявший весенний лед. А озерная вода была холодна, словно тот же самый лед. Я знаю что говорю, потому что не поленился для проверки сунуть в нее руку.

А еще я почему-то был уверен, что нам придется идти по этому мосту. Пешком. Потому что на этот раз воспользоваться крыльями Людвиг Марша нам было нельзя. Откуда я это знал? Я не мог бы ответить на этот вопрос. Я был не настолько умен, как например, господин советник или мастер Эйвин. Но и они даже не подумали перелететь на остров. Значит, тоже чувствовали, что придется идти по мосту. Что это нам такое испытание назначено от Сфинкса: он так проверял всех приходящих к нему путников. Зачем? А чтобы выяснить серьезность их намерений. По крайней мере, так мне объяснил позднее мастер Тиль. Что бы это значило? Спросите лучше у него самого.

На берегу виднелись следы костров: люди здесь бывали, и часто. Хоть в Эриаке о Сфинксе и не слыхивали, похоже, мудрец был известен в других краях. Ходили к нему много и часто: вон сколько золы нажгли, весь берег был в углях. Будь моя воля, заночевал бы я в лесу: очень не люблю торопиться. Но нетерпение мастера Эйвина и донны Марии было слишком велико. Поэтому мы с Устинарьей успели сделать лишь по глотку воды из походных фляг, и тут же нам пришлось вступить на мост. Солнце-то ведь уже своим краем коснулось гор, поднимавшихся над долиной. Но лучше бы оно к тому времени село. Потому что в темноте мастер Эйвин вряд ли бы решился идти по такому вот старому и опасному мосту. Увы, мы по нему-таки пошли. И эту ночь я не забуду до конца своих дней.

Камни Кинжального моста, как я уже говорил, были сглажены временем и непогодой. Кроме того, они подмерзли и оттого стали скользкими. Некоторые из-за трещин могли разрушиться прямо под ногой. Приходилось наступать на них очень осторожно, чтобы ненароком не сорваться в стылую зимнюю воду. От такого купания может быть, и не умрешь, но долгая и мучительная горячка тебе будет обеспечена. Нисколько я в этом не сомневался. Поэтому и цеплялся за мерзлые камни так крепко, как только мог. И не я один – все мы так шли. Одного не могу понять: как не сорвались наши кони? Особенно Людвиг Марш, он ведь нес на себе весь наш груз. Да и Эсмеральда, обычно горячая и нетерпеливая, как собственная хозяйка, на мосту вдруг повела себя на удивление смирно. Видно, умная лошадка все понимала, иначе она бы не дошла – обязательно сорвалась бы в воду и утонула.

Мне потом этот переход даже снился. Много раз, как ночной кошмар. Потому что во сне ни разу я не добрался до заветного острова. Сам подскользнулся или камень под ногой треснет, только одна мне дорога была – в воду. А уж вода-то как была холодна! Мочи не было терпеть: враз дыхание обрывалось, и уходил я в нее с головой. Так, что ни рукой, ни ногой шевельнуть не мог. Ну и тонул, понятное дело, сжав зубы от страха и холода. Зато просыпался потом весь в поту. Только пот этот был холодным.

Так вот шли мы по мосту, шли. И дошли до половины. Дальше вроде полегче должно было быть. Но тут солнце село, и наступила темнота. Вот беда-то. Я уж подумал: тут нам и конец. Однако пошли мы дальше. Поползли почти на ощупь. Оказывается, при слабом свете звезд все же можно было разглядеть эту проклятую тропу. Вот мы и шли, цепляясь на склизкие камни. На которые к тому же еще лег ночной иней: так стало холодно. Руки у меня вконец замерзли и почти ничего не чувствовали. Зато рубаху можно было выжимать, настолько она напиталась потом.

К счастью, все в этом мире имеет конец. Так сказал мастер Тиль, когда нас подбадривал. Закончился и этот мост. Кое-как выбрались мы на остров. На крошечную ровную площадку у самых скал, каменный такой пяточок. И рухнули в изнеможении на эти самые камни, которые кто-то постарался обтесать. Без особого, впрочем, успеха. Но и на том спасибо: на них можно было хотя бы лежать. Холода я к тому времени уже не чувствовал: слишком устал. А ведь нес на себе только свою походную котомку. Что уж говорить об остальных, особенно о тех, кто вел в поводу своих лошадей: о мастере Эйвине и донне Марии. Им пришлось тяжелее всех. Но тут уж ничего не поделаешь: ни за кем другим лошади на мост не пошли бы. Только за своими хозяином и хозяйкой.

Так и замерзли бы мы, наверно, на этих камнях. Только этого сделать нам не дали.

8. Сфинкс

Вдруг закрипела плохо смазанными петлями скрытая в скале дверь. Потом распахнулась настежь. На ее пороге стоял высокий человек и держал в руках факел. У меня даже глаза заслезились от яркого света, а может, и от холода. При свете факела я увидел, как пар от дыхания поднимается вверх.

Ни о чем спрашивать нас человек не стал. Молча оглядел наши измученные лица. Воткнул свой факел в кольцо у двери и стал нам помогать. Подхватил на руки донну Марию и понес ее внутрь. Девушка от усталости и холода даже пискнуть не могла, не то что возражать. Однако мастер Эйвин все же сумел подняться на ноги. Следом за ним поднялся мастер Тиль. Делать нечего, за ними встал и я. Тут же я помог подняться Устинарью: ни к чему девушке было рассиживаться на мерзлых камнях.

Мастер Эйвин попытался было схватиться за меч. Но руки у него слишком замерзли, и ничего у господина Ростка не получилось. И хорошо, что не получилось. Потому что высокий человек ничего плохого не замыслил. Он нам лишь помочь хотел. Только привык делать это молча, вот мастер Эйвин и подумал про него невесть что. В общем, очень быстро все мы оказались в помещении караулки, где горел огонь в очаге, и было тепло и светло. И отогрелись мы тоже быстро. Потому что незнакомец собственноручно поднес каждому небольшую чашу разогретого вина с какими-то травами. Так-то я, конечно, предпочитаю пиво, но это вино проглотил в один присест, даже не поморщился. И почувствовал, будто изнутри жар пошел, и кровь быстрее побежала по жилам. Даже голова закружилась.

Пока отогревшаяся и повеселевшая Устинарья готовила на очаге ужин, высокий человек показал мне, куда поставить лошадей. Он назвался Привратником. По-моему, это не было его настоящим именем. Я ведь не слепой и воина от слуги отличить могу. А мастер Привратник был высокий и широкоплечий воин. Его волосы были коротко острижены и совсем седые. Он был одет в кожаную рубаху, которую носил как доспех. На поясе Привратника висел длинный и тяжелый меч, которого он словно бы и не замечал, настолько, видно, привык к нему. Все равно как я носил бы на поясе свой нож, которым режу хлеб или сыр. Хотя нож лежал у меня в сумке. А когда я спросил у Привратника, почему его так зовут, тот лишь пожал плечами в ответ:

– К господину Сфинксу приходит много людей! – объяснил он. – Я открываю калитку путникам и встречаю каждого из них.

– И всем помогаете?

– Тем, кто в этом нуждается.

– А когда мы увидим господина Сфинкса? – спросил я у него.

– Он пока никого не принимает.

Привратник развернулся и ушел. Мне он понравился: люблю людей, из которых приходится как клещами вытаскивать слова. Наверно, потому что я сам такой же. Не умею я попусту болтать, лучше уж заняться делом. И я принялся обихаживать и устраивать на ночлег лошадей.

Когда я закончил, все уже вовсю работали ложками, вкушая приготовленный Устинарьей ужин. Так выражался мастер Дик Санья. Вместо простого «попробуйте» он почему-то предпочитал говорить «вкусите мое новое блюдо». Звучало это благородно. Я поспешил присоединиться. Поел, а потом едва доплелся до своей постели в гостевой комнате. Была здесь такая, и не одна, потому что девиц наших Привратник увел ночевать в другое помещение. Я свалился на набитый сеном матрас, который был не хуже, чем в вагоне у мадам Августы, и тут же уснул. Очень уж умаялся. И немудрено: один Кинжальный мост лишил бы сил самого крепкого человека. А ведь мы еще пересекли пустыню. За один переход. Думаю, не каждый сумеет сделать это.

А когда я открыл глаза, было уже позднее утро. Неяркий серый свет просачивался сквозь стекла небольшого окна. Выглянув наружу, я увидел, что все небо было затянуто тучами. Они висели так низко, что казалось, можно было коснуться их края рукой. Если как следует подпрыгнуть. Даже верх наружной стены тонул в сером облачном тумане. А ведь ночью мы выбрались на берег при свете звезд, это я помнил точно. С того времени погода успела испортиться.

Снаружи было холодно. Из рта, как вчера, поднимался пар. Гостевой двор был выложен камнем. Однако за ним, теряясь кронами в серой туманной пелене, стеной стояли сосны. Между деревьями росла пожухлая трава. Кое-где на ней лежал иней. Но снега не было. Выходит, что зима в этих краях теплее, чем у нас в Эриаке, подумал я. Озеро не покрылось льдом и снег не выпал. Что за зима без снега? Это осень, а не зима, кто бы что не говорил.

На дворе стояла бочка с водой. В ней вода тоже не замерзла, и плавал вырезанный из дерева ковшик. Я им воспользовался, чтобы напиться и умыться. Потом услышал голоса и поднял голову. Это где-то наверху в тумане перекликались часовые на стенах. Так и есть, подумал я, мы попали в озерную крепость. Хотя снаружи она выглядела как нагромождение скал. И еще какое нагромождение: внутри этих каменных стен хватило места для многих гостевых комнат. Вполне себе пригодных для жилья, кстати. Отапливались они печами. Огонь в печи давно прогорел, и все же в нашей комнате было тепло. Должно быть, его удерживали толстые стены. Войти в крепость, насколько я понял, можно было только через калитку у моста. Она была достаточно большой, чтобы пропустить лошадей.

А потом я отправился завтракать. Вернее, сначала помог Устинарью приготовить еду, потому что охотница встала раньше. Похоже, приготовление пищи теперь входило в ее обязанности. Но Устинарья не возражала. Она оказалась девушкой не только молчаливой, но еще доброй и покладистой. Мне такие были по нраву. Мы позавтракали вместе. И вместе помолчали, сидя у огонька. С Устинарьей мне почему-то было легко даже молчать. Не то что с благородной донной.

А вот и она появилась, легка на помине. Еще зевает спросонья, а уже пытается командовать. Просит Устинарью помочь ей, как она выражается, с утренним туалетом. Устинарья молча идет помогать. Хотя и не обязана это делать. Я видел, как донна Мария пыталась нанять охотницу себе в служанки. Денег ей предлагала. Кошелек на поясе у благородной девицы хоть и небольшой, но увесистый. Уберегла донна Мария его от разбойников, поэтому заплатить она может. Только Устинарья не согласилась, она ведь охотница, а не служанка. Мне мастер Эйвин тоже предлагал наняться к нему в услужение. На полный пансион, как он выразился. Это значит на все готовое, как я понял. Не понял, правда, кто это все готовое готовить будет. Еще один слуга? В общем, отказался я. За еду и небольшое жалованье согласился только присматривать за лошадьми. Заодно и подучусь этому делу немного. Вдруг когда удастся своего коня завести? Пусть и не крылатого, а самого простого.

Только почему-то выходило так, что нам с Устинарьей нашим благородным господам все равно помогать приходится. С утренним туалетом или еще чем-нибудь таким. Сначала они нас звали. Теперь уже и не зовут, а словно это само собой разумеется. Костер разведи, еду приготовь, после посуду помой-прибери, то-се по мелочи подай-принеси. Дел-то много в походе. Никак без нас обойтись не могут. В чем тут дело, никак в толк не возьму. Может, в том что они благородные? Нет, я не в обиде, просто понять этого не могу.

Потом вышел я во двор, а там уже мечами звенят. Мастер Эйвин и мастер Тиль проснулись, значит, и решили немного размяться. Двор подходящий, ровный, отчего и не размяться благородным господам? Мастер Эйвин, смотрю, в азарт вошел, насаждает на господина советника всерьез. Только искры по стали летят. Мастер Тиль защищается, несколько не уступая господину Ростку. Видно, что не первый раз меч в руках держит. Мастер Эйвин губу свою кусает от досады, сам раскраснелся весь. Насаждает, да все без толку: мастер Тиль эту науку лучше него, видать, освоил. Или учился у лучших учителей.

Наконец разошлись они. Поклонились друг другу, мечи в ножны убрали. После будут их разглядывать на предмет царапин и потери остроты. В порядок будут приводить, это я знаю. А пока только в ножны убрали, с глаз долой. И умываться вместе пошли. К той же бочке с водой. А как умылись, смотрю, мастер Эйвин уже отошел от обиды и улыбнулся. Не злой он все-таки человек, хоть и благородный. Пока вытирались да пропотевшие рубахи переодевали, я им и завтрак принес. Пусть порадуются. Мне это недолго, на самом-то деле.

После завтрака хотел я по лесочку пройтись, тому, что на острове рос. Но не сложилось у меня, потому что пришел Привратник и повел нас всех к Сфинксу. По тропочке через этот самый лес. Смотрю, а за лесом поле. На нем растет чего-то. Не разобрать, правда, чего, но растет. Съедобное, скорее всего. И это зимою-то! За полем опять лес, только поменьше. Ручеек, смотрю, бежит. За ним полянка. На полянке стоял простой бревенчатый домик, на два окна всего. Вокруг домика росла трава. Она была какая-то особенная. Мне примерно по пояс и зеленая-зеленая. Пахла она мятой и еще чем-то вкусным. Словно бы даже цвела. Цветочки у нее были такие желтенькие и неказистые на вид, а я глаз от них отвести почему-то не мог. Где это видано, чтобы зимой цветы цвели, на холоде-то? Значит, непростая это травка. Непростые цветки. Да и место это явно было особенное. В таком мудрецу только и жить. Уж больно хорошо тут пахло и глаз не нарадовался такой красоте посреди зимней пустыни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.